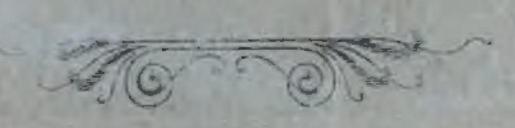

ИЗЪ ИСТОРІИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ВЯТКИ.

А. С. В—на.

ВЯТКА.
Губернская Типографія.
1905.

ИЗЪ ИСТОРІИ

ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ВЯТКИ.

А. С. В—на.

Грещагина

ВЯТКА.

Губернская Типографія.

1905.

Печатано по опредѣленію Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, 11-го октября 1904 года.

ИЗЪ ИСТОРІИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ВЯТКИ.

I. Вопросъ о первоначальномъ заселеніи Вятки русью.

Общепринятое мнѣніе: „новгородская теорія“. — „Теорія вятичская“: Стрыйковскій, Синопсисъ, Манкіевъ, кн. Щербатовъ, Екатерина II.— Возраженіе противъ нея Болтина.—Торжество „новгородской теоріи“.— Возрожденіе „теоріи вятичской“: Колосовъ, его соображенія въ пользу этой теоріи. Разборъ ихъ. — Поселенія „вятскія“ въ другихъ губерніяхъ.—Городъ Вяцкъ.—Названіе рѣки „Вятка“.—Данныя въ пользу „новгородской теоріи“. — Варіантъ профессора Будде къ „вятичской теоріи“.—Гипотеза о „псковскомъ“ происхожденіи вятчанъ.

Первый и капитальный вопросъ въ исторіи древне-русской Вятки, конечно, — вопросъ о томъ, кто были первые русскіе поселенцы на Вяткѣ.

Такой вопросъ, по видимому, не слѣдовало бы и поднимать, въ виду прочно уже установившагося о немъ мнѣнія въ средѣ ученыхъ историковъ. Но на ряду съ общепринятымъ мнѣніемъ о первоначальномъ заселеніи Вятки новгородцами существуютъ и другія мнѣнія о происхожденіи первыхъ русскихъ поселенцевъ на Вяткѣ. Такъ, напр., еще не очень давно, въ довольно распространенномъ періодическомъ изданіи [1]), А. Н. Сергѣевымъ, по видимому „знатокомъ“ русскихъ древностей, высказано было рѣшительное мнѣніе, что первые русскіе поселенцы „перебрались на Вятку изъ Вытегры“ и что эти именно Вытегорцы „основали городъ Хлыновъ“. Правда, это мнѣніе г. Сергѣевъ никакими доказательствами не подтверждаетъ, и оно, какъ и другія гипотетическія мнѣ-

---

[1]) „Сѣверъ“ 1892 г., № 2.

нія, высказываемыя вскользь въ разныхъ періодическихъ листкахъ, о древне-русскихъ обитателяхъ Вятки, не требуетъ серьезнаго критическаго разбора. Но есть и такое мнѣніе о происхожденіи русскихъ Вятчанъ, которое обращаетъ на себя вниманіе одною своею давностію и уже болѣе трехъ столѣтій обращается въ исторической литературѣ. Въ первый разъ оно было высказано еще въ XVI вѣкѣ, слѣдовательно—за сто слишкомъ лѣтъ до появленія „Повѣсти о странѣ Вятской“ (гдѣ въ первый разъ встрѣчаемъ общепринятое мнѣніе о происхожденіи Вятчанъ отъ новгородцевъ); потомъ оно повторялось не разъ въ объемистыхъ „Исторіяхъ Россійскихъ“ XVIII столѣтія, наконецъ поддерживалось ученымъ профессоромъ второй половины XIX вѣка, посѣтившимъ Вятку съ спеціальною ученою цѣлью. Съ такимъ мнѣніемъ, конечно, уже нельзя не считаться, какъ бы оно ни противорѣчило общепринятому.

Это мнѣніе — о родствѣ древнихъ Вятчанъ съ Несторовыми Вятичами.

По словамъ А. А. Спицына [1]), „первый выразилъ сомнѣніе въ „новгородской теоріи“ происхожденія Вятчанъ и нашелъ возможнымъ предположить, что массу колонистовъ на Вятку составляли Вятичи, профессоръ Колосовъ“: правильнѣе было бы, кажется, сказать не „первый“, а „предпослѣдній“. Сколько намъ извѣстно, первый высказалъ мысль о родствѣ Вятчанъ съ Вятичами извѣстный польскій хронистъ Матвѣй Стрыйковскій (р. 1547 г., ум. около 1587 г.). Въ его столь извѣстной „Хроникѣ“, въ первый разъ напечатанной въ 1582 году, мы читаемъ: „Сіи князи (Кій, Щекъ, Хоривъ) имѣли подъ своею властію другихъ князей или гетмановъ, изъ коихъ главнѣйшій былъ Радимъ, отъ котораго назвалися Радимичи надъ рѣкою Сассою (Сожью), и Вятко, отъ котораго Вятчане надъ рѣкою Волгою и Вяткою — Wiatko od ktorego Wiatczanie nad rzeka Wolga y Wiatka“ [2]). Такъ

---

[1]) Вят. Губ. Вѣд. 1880 г., № 69.

[2]) Kronika Polska, изд. 1582 г., л. 115. — Кстати здѣсь замѣтимъ, что въ Вятской семинарской библіотекѣ есть ветхій экземпляръ этой

какъ польскія хроники, и особенно „Хроника“ Стрыйковскаго, принимались на Руси читателями и писателями XVII и XVIII в. гораздо охотнѣе, чѣмъ русскія лѣтописи [1], то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что и мнѣніе Стрыйковскаго о происхожденіи Вятчанъ отъ Вятъка (въ качествѣ двоюродныхъ братьевъ Радимичей) получило широкое распространеніе среди тогдашняго грамотнаго люда. Такъ напр. владѣлецъ списка Никоновской лѣтописи, одинъ изъ Строгановыхъ – вотчинниковъ обширной территоріи въ сосѣдней съ Вяткою Перми, при чтеніи лѣтописнаго отрывка, гдѣ перечисляются славянскія племена, не замедлилъ сдѣлать на полѣ замѣтку: „Радимичи и Вятчане отъ ляховъ“ [2]. И не только простые читатели, но и составители „Россійскихъ Исторій“ XVII и XVIII в. вполнѣ полагаются на Стрыйковскаго и только переписываютъ авторитетнаго для нихъ польскаго хрониста. Составитель столь распространеннаго въ концѣ XVII и въ XVIII в. „Синопсиса“ буквально повторяетъ слова Стрыйковскаго о Вятко и Вятчанахъ [3]. Манкіевъ въ своемъ „Ядрѣ Россійской Исторіи“ безъ малѣйшаго колебанія утверждаетъ, что полководецъ Вятко (вмѣстѣ съ Радимомъ подвластный Кію и его братіи) былъ на рѣкѣ Вяткѣ и нѣсколько по Волгѣ, а по немъ назвалися (жители береговъ Вятки) Вятичи или Вятчене [4]. Авторъ многотомной „Россійской Исторіи“ кн. Щербатовъ въ одномъ мѣ-

---

„Хроники“ съ такою надписью (на 3 л.): „Сію хронику купилъ мнѣ на мои денги с милости своей на мя ближной столникъ и кіевской воевода и намесникъ смоленской князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, безъ меня, какъ я посланъ былъ отъ него изъ Киева въ Бѣлгородъ, а далъ за нее 12 тарелей битыхъ, а денги за нее платилъ сынъ мой Еуфиміусъ и Яковъ Ивановичъ Ушаковъ подполковникъ 1708 года октоврия м. Писалъ сіе Иванъ peccator Ушаковъ chiliarchus indignus 1709 марта м.“.

[1]) Объ этомъ обстоятельно сказано въ трудѣ П. Н. Милюкова: „Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX в.“—въ „Русской Мысли“ 1893 г., I, 48—49.

[2]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. IX, предисловіе.

[3]) Синопсисъ, с. 17.—Извлеченіе изъ него—въ „Опытъ Казанской исторіи“ П. Рычкова, 1767 г., с. 15.

[4]) Ядро Росс. Ист., Хилкова, 1779 г., 28.

стѣ, перифразируя Стрыйковскаго, пишетъ, что „съ тремя главными князьями (Кіемъ, Шехомъ и Хоривомъ) пришли главные вожди: Радимъ, отъ коего Радимчане, и Вятко, отъ коего Вятчане“; а въ другомъ мѣстѣ лѣтописное извѣстіе подъ 1169 годомъ — „налезоша путь на Вячка и Володаря“ передаетъ по-своему: „отверзли путь на Вяцкъ и къ Володарю“ [1]. Составительница „Записокъ касательно Россійской Исторіи“ также заноситъ въ нихъ (I, 15) мнѣніе „нѣкоторыхъ писателей, которые говорятъ, что изъ подвластныхъ Кію князей одинъ былъ Радимъ, а другой Вятко на рѣкѣ Вяткѣ и нѣсколько по Волгѣ и что по немъ назывались Вятичи и Вятчане“ (хотя собственнаго мнѣнія объ этомъ въ „Запискахъ“ не высказываетъ). Замѣчательно, что даже П. И. Рычковъ, съ именемъ котораго неразрывно связано появленіе въ печати „общепринятаго“ мнѣнія о происхожденіи Вятчанъ [2]) или „новгородской теоріи“ (по выраженію А. А. Спицына), не вооружается рѣшительно противъ мнѣнія о родствѣ Вятчанъ съ древними Вятичами: „нынѣшнихъ (1767 г.)“, — говоритъ онъ, — „обывателей Вятской провинціи, которые отъ рѣки Вятчанами именуются, можно ль отъ древнихъ Вятичей производить, сіе оставляю на разсужденіе другихъ“ [3]. Такимъ образомъ въ теченіе двухъ столѣтій держалось и повторялось безъ замѣчаній и опроверженій мнѣніе Стрыйковскаго о тождествѣ Вятичей и Вятчанъ, и только уже въ концѣ XVIII вѣка И. Н. Болтинъ сдѣлалъ краткое, но рѣшительное указаніе на несостоятельность такого мнѣнія. „Князь Щербатовъ“, говоритъ онъ въ „Примѣчаніяхъ на первый томъ Росс. Исторіи“ князя, „Ватка, и съ управляемымъ имъ народомъ — Вятичами, переноситъ съ верховья рѣки Оки, гдѣ —

---

[1]) Исторія Росс., Щербатова, 1770, I, 120, 308. — Сюда же слѣдовало бы отнести еще и Ѳ. Эмина, который приписываетъ Святославу Игоревичу походъ на Вятичей къ р. Вяткѣ; но объ этомъ „сочинителѣ“ позволительно упомянуть только подъ чертою.

[2]) „Повѣсть о странѣ Вятской“, въ перифразѣ П. И. Рычкова, появилась въ первый разъ въ печати въ его „Опытѣ Казанской Исторіи“, 1767 г., въ приложеніи—с. 187—196.

[3]) Тамъ же, с. 14—15.

по согласному сказанію лѣтописцевъ — Вятичи жили, на рѣку Вятку, которая тогдашняго времени руссамъ едва ли была и извѣстна"; а по поводу открытаго Щербатовымъ Вяцка онъ же (Болтинъ) спрашиваетъ: „Какой Вяцкъ? Ежели кн. Щербатовъ подъ словомъ Вяцкъ разумѣлъ рѣку Вятку, то о семъ и говорить излишне: ибо оставя то, что она совсѣмъ въ противную сторону лежитъ, но въ то время (въ 1169 году) едва ль новгородцамъ была и извѣстна" [1]. Затѣмъ, съ появленіемъ и распространеніемъ въ печати и въ средѣ читающей публики „Повѣсти о странѣ Вятской", благодаря П. И. Рычкову, Н. П. Рычкову, Вештомову, Баженову, особенно — Карамзину и Костомарову (съ ихъ многочисленными компиляторами) начинается полное торжество „теоріи новгородской" — до 1876 года, когда въ „Запискахъ Академіи Наукъ" профессоръ М. А. Колосовъ снова подымаетъ вопросъ объ „усопшихъ" будто Вятичахъ. И не предполагая даже, что у него былъ уже цѣлый рядъ предшественниковъ, онъ говоритъ: „не знаю, высказывалъ ли кто и когда мысль о томъ, что Вятичи колонизировали Вятскій край; но мнѣ такая мысль не только не кажется странною, напротивъ я признаю ее вѣроятною": и затѣмъ приводитъ доказательства въ подтвержденіе своей мысли. Съ тѣхъ поръ слова „вятчанинъ" и „вятчане" начинаютъ сходить съ печатныхъ страницъ и замѣняться, особенно — въ газетныхъ листкахъ, словами „вятичъ" и „вятичи", появляются корреспонденты съ подписью „Вятичъ изъ Хлынова", „Вятичъ изъ Насѣгова" и т. п. Правда, такая замѣна встрѣчалась и раньше появленія „теоріи" Колосова, и нельзя, конечно, думать, чтобы она часто употреблялась въ силу этой теоріи [2]; но уже самое торжество „вятича" надъ „вятчаниномъ" даже въ сочиненіяхъ ученыхъ (особенно въ сосѣдней

[1]) Критическія примѣчанія на первый томъ Россійской Исторіи кн. Щербатова, 1793 г., с. 149, 297.

[2]) По видимому замѣна эта („вятича" вмѣсто протяженнаго „вятчанина") является чаще всего ради краткости, но иногда и ради нѣкоей никакой стиль, напр. въ статейкахъ Гиперскаго и другихъ въ Волжскомъ Вѣстникѣ.

съ Вяткою Казани, напр. профессора И. И. Загоскина [1]) невольно обращаетъ на себя вниманіе интересующихся исторіей древне-русской Вятки...

Какія же основанія приводятся въ подтвержденіе этой „вятичской" теоріи.

Ни Стрыйковскій, ни составитель Синопсиса, ни Манкіевъ, ни Щербатовъ не приводятъ никакихъ. Для нихъ было достаточно одного сходства и сближенія словъ Вятко (родоначальникъ) и Вятка (рѣка), чтобы признать тождество Вятичей и Вятчанъ. Такое сопоставленіе и сближеніе даже менѣе сходныхъ названій племенъ и народностей, раздѣленныхъ между собою и гораздо большимъ разстояніемъ и временемъ, чѣмъ Вятичи и Вятчане, признавалось достаточнымъ основаніемъ для ихъ отождествленія еще и въ позднѣйшее время. Нашъ напр. мѣстный историкъ Вештомовъ (вообще—ничуть не пустой компиляторъ и не небрежный кропатель) на этомъ же основаніи выводитъ изъ страны Вятичей предковъ нынѣшнихъ Вотяковъ, полагая, что „Вотяки, имѣя первое жительство у Оки, извѣстны стали у ближайшихъ къ нимъ славянъ подъ именемъ Вятичей, а потомъ, стѣсняемые славянами, перебрались за Волгу, сѣли по западную сторону Камы и, углубляясь въ пустыя по теченію рѣки Вятки мѣста, заняли восточную половину Вятской губерніи" [2]). Подобнымъ же образомъ сопоставляются съ Вотяками и архаическіе Будины: сами Вотяки называютъ себя Уть или Удь (Утьмортъ), а вотъ у Геродота какіе-то народы, жившіе далеко къ сѣверу отъ Чернаго моря, назывались Будинами, и это даетъ основаніе составителямъ „Исторіи Вятскаго края" утверждать, что „Геродотъ (за 400 лѣтъ до Р. Х.) опредѣдѣляетъ жилища Воти, называя ее Удинами, уже въ предѣлахъ нынѣшней Вятской губерніи" [3]).

---

[1]) Въ „Очеркахъ организаціи служилаго сословія" въ Уч. Запискахъ Казанскаго университета 1876 г. (V, с. 734 и др.), въ книжкѣ „Казанскій Край въ смутное время", 1891 г., с. 144, 151, 170, 192 и др.

[2]) Вятскія Губ. Вѣд. 1841 г., № 22.

[3]) Исторія Вятскаго края, Васильева и Бехтерева, с. 2.

Сопоставленіемъ древнихъ Вятичей и Вятчанъ мотивируетъ „вятичскую теорію" и Колосовъ. „Нельзя", говоритъ онъ, „не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство: въ нынѣшней Калужской губерніи, въ области Оки, гдѣ жили нѣкогда Вятичи, есть селенія Вятское, Вятчина; не случайность же условила тожество топографическихъ названій въ мѣстностяхъ настолько одна отъ другой отдаленныхъ, какъ губерніи Калужская и Вятская. Если нѣтъ основаній допустить, что въ этихъ селеніяхъ живутъ позднѣйшіе выселенцы изъ Вятской губерніи, то несомнѣнно эти селенія—остатки земельнаго имени Вятичей". Но затѣмъ Колосовъ приводитъ еще и другія соображенія въ подтвержденіе своего мнѣнія. Прежде всего онъ высказывается противъ „общепринятаго" мнѣнія о новгородскомъ происхожденіи Вятчанъ. „Древнѣйшія лѣтописи—Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская", говоритъ онъ, „ничего не говорятъ о заселеніи Вятскаго края; а лѣтописецъ Хлыновскій [1], который говоритъ объ основаніи Хлынова новгородцами,—поздній по времени составленія и содержитъ въ себѣ анахронизмы и баснословныя частности, и потому и не представляетъ достаточнаго ручательства за вѣрность разсказаннаго въ немъ преданія... Указываютъ", продолжаетъ Колосовъ, „на характеръ вятскихъ построекъ и на черты языка, какъ на вѣское подтвержденіе преданія о новгородскомъ происхожденіи Вятчанъ (Бестужевъ—Рюминъ въ „Русской Исторіи"); но постройки вятскія далеко не тожественны по характеру съ новгородскими, а сходство вятскихъ говоровъ съ новгородскими хотя и не отрицаемо, но ощутительна между ними и разность". Затѣмъ Колосовъ не соглашается съ тѣми писателями, которые вслѣдствіе звукового сходства сближаютъ Вятчанъ съ Вотяками. „Край, населенный Вотяками, естественно было русскимъ переселенцамъ назвать Вотскимъ краемъ. Но какъ изъ Вотскій сдѣлалось Вятскій? Измѣненіе вот на вят по звуковымъ законамъ невоз-

[1] Колосовъ разумѣетъ здѣсь „Повѣсть о странѣ Вятской".

можно. Могли Вятчане получить свое имя отъ рѣки Вятки. Но какъ объяснить названіе послѣдней? Думають, что она первоначально называлась не Вятка, а Вотка (Островскій въ ст. „Вотяки Казанской губ.). Но изъ Вотка такъ же невозможна Вятка, какъ изъ Вотскій Вятскій“. Иное дѣло, по мнѣнію Колосова, Окскіе Вятичи и Калужская Вятчина: „едва ли кто станетъ и эти названія производить отъ Вот. Вотякъ“. Поэтому, „нисколько не отрицая возможности участія новгородцевъ въ завоеваніи и заселеніи Вятскаго края“, заключаетъ нашъ ученый, „я не вижу, почему бы не признать, что то и другое совершилось при значительномъ количественномъ движеніи (При—окскихъ) Вятичей на сѣверъ. На возможность такого движенія указываетъ уже то обстоятельство, что этому племени всего легче было проникнуть—по Окѣ, Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ въ край Вотяковъ. Могло быть такъ, что толпа предпріимчивыхъ новгородцевъ увлекла за собою массу Вятичей, которые дали свое имя покоренному краю и особый оттѣнокъ его исторіи. До самаго паденія Хлынова Вятка остается чуждою другимъ областямъ древней Руси; съ князьями и Новгородомъ Вятчане въ постоянной борьбѣ; христіанство среди нихъ прививается слабо; по характеру политическаго устройства Вятская республика стоитъ одиноко. Въ исторіи Вятичей, какъ племени, нельзя не замѣтить, по извѣстіямъ лѣтописи, аналогичныхъ чертъ: они позже другихъ племенъ принимаютъ христіанство, долѣе другихъ сохраняютъ свою этнографическую особенность, долѣе другихъ борются за нее съ кіевскими князьями“ [1]).

Таковы соображенія Колосова въ защиту Вятичской теоріи, выписанныя здѣсь въ подлинныхъ выраженіяхъ автора, который, надо замѣтить, не былъ занятъ спеціально рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи русскихъ Вятчанъ, а занимался имъ только мимоходомъ, при изученіи особенно-

[1]) „Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія“, въ приложеніи къ XXVIII тому „Записокъ Академіи Наукъ“, 1876 г., № 4, с. 55—63.

стей вятскаго говора (до 1876 г.). Пока не были изданы (въ 1880—81 гг.). „Сказанія русскихъ лѣтописцевъ о Вяткѣ“, пока не собраны и не изданы были „Акты, относящіеся къ исторіи Вятскаго края“ (до конца XV вѣка), какія только можно было собрать до 1881 года, пока не изданъ былъ (хотя въ извлеченіи) „Вятскій Временникъ“ (въ 1879 г.) съ комментаріемъ и не былъ еще обстоятельно обслѣдованъ указанный Колосовымъ Вятскій лѣтописецъ, то есть „Повѣсть о странѣ Вятской“, соображенія Колосова могли найти читателей, придающихъ имъ извѣстное значеніе и цѣну; но въ настоящее время, когда сейчасъ указанныя работы уже исполнены, безпристрастная критика не можетъ не признать соображенія Колосова несостоятельными.

Молчаніе указанныхъ Колосовымъ лѣтописей о Вяткѣ ничего не говоритъ ни въ пользу „вятической“, ни въ пользу „новгородской теоріи“. Ипатьевская лѣтопись, занятая главнымъ образомъ событіями южной и западной Руси, а не сѣверо-восточной, доведена только до 1292 года; Лаврентьевская, описывающая съ 1112 года событія Суздальской и Ростовской области, заканчивается 1305 годомъ; Новгородская первая по Синодальному списку, описывающая преимущественно новгородскія событія, оканчивается событіями 1333 года. Молчаніе этихъ лѣтописей о Вяткѣ объясняется просто тѣмъ, что говорить о ней имъ было нечего: „русской Вятки“ до времени, когда закончены указанныя лѣтописи, еще не существовало, и никакихъ слѣдовъ жительства на берегахъ Вятки какой либо Руси, вятической ли или новгородской, мы рѣшительно не находимъ [1]). Но какъ только появляется русская жизнь на Вяткѣ, начинають говорить и о вятчанахъ послѣдующія лѣтописи. Въ первый разъ о появленіи русскихъ пришельцевъ на Вяткѣ мы читаемъ въ пяти лѣтопи-

[1]) Авторъ настоящаго труда 44 года искалъ этихъ слѣдовъ, и не нашелъ; онъ былъ бы очень радъ, если бы ему дали хотя какія нибудь достовѣрныя указанія на жительство русскихъ по берегамъ Вятки до половины XIV вѣка. Объ этомъ обстоятельнѣе — въ изслѣдованіи „Хлыновъ старше или Хлыново“, 1904 г., ст. 47—51.

сяхъ подъ 1371 годомъ, и съ этого времени начинаютъ находить мѣсто какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ лѣтописяхъ, а также и въ разныхъ актахъ и другихъ письменныхъ памятникахъ, извѣстія и о русскихъ вятчанахъ. Если бы произошло предполагаемое Колосовымъ передвиженіе Вятичей съ верховьевъ Оки на берега Вятки до 1292—1433 года, то, надо полагать, такое передвиженіе переселенцевъ, да еще массовое, по рр. Окѣ, Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ, не могло быть не замѣчено и указанными Колосовымъ лѣтописями.

Соображеніе Колосова, что „Вятичамъ всего легче было проникнуть по Окѣ, Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ—въ край вотяковъ“, представляется очень рискованнымъ. Вѣдь Вятичамъ приходилось плыть по четыремъ рѣкамъ не по своей территоріи, не мимо пустыхъ береговъ этихъ широкихъ рѣкъ, гдѣ бы переселенцы не встрѣчали никакихъ препятствій къ переселенію. Имъ надобно было плыть мимо береговъ, населенныхъ сильными тогда инородцами, надобно было продраться черезъ Мордву, черезъ Болгарію, которые вели въ до-татарскій періодъ упорную борьбу съ Русью [1], а Болгары даже не допускали иноземцевъ къ прямымъ сношеніямъ съ сѣверными и восточными своими сосѣдями, пользуясь сами выгодами посредничества въ торговлѣ и пуская слухъ, что эти сосѣди ихъ убиваютъ иноземцевъ“ [2]).

Но если мы признаемъ возможнымъ и вѣроятнымъ передвиженіе Вятичей съ верховьевъ Оки на Вятку, то предъ нами тотчасъ же возникаетъ вопросъ: куда же дѣвалась эта масса Вятичей на Вяткѣ? Такое передвиженіе можно допустить только въ до-татарскую эпоху, такъ какъ нельзя же думать, чтобы Вятичи, послѣ разгрома татарами ихъ пограничнаго города Козельска [3]) въ 1238 году, потянулись чрезъ всю Оку на Волгу, Каму и Вятку, въ территоріи, за исключеніемъ рѣки Вятки, еще до Козельска разоренныя и опустошенныя та-

¹) Подробнѣе см. въ томъ же трудѣ стр. 43—49, 61—62.

²) Мухамеданская нумизматика, Савельева.

³) Подъ 1147 годомъ въ Ипатьевской лѣтописи упоминаются еще другіе [illegible] Брянскъ, [illegible], Дѣдославль, Мценскъ, всѣ—въ верховьяхъ Оки.

тарами, куда владычество послѣднихъ, конечно, не могло привлекать русскихъ поселенцевъ съ запада. А если масса Вятичей, по Колосову, поселилась на берегахъ Вятки въ XII или въ началѣ XIII вѣка, до татаръ, то въ теченіе XII—XIV столѣтіи (до 1374 года) „масса“ Вятичей должна была очень и очень размножиться и усилиться на Вяткѣ, а ихъ поселенія основаться и утвердиться здѣсь широко и прочно. Между тѣмъ пришельцы на Вятку 1374 года не только не встрѣчаютъ здѣсь какія либо „силы русскія“ и не находятъ поддержки противъ аборигеновъ—инородцевъ со стороны какой либо прежде поселившейся тутъ Руси, но тотчасъ же послѣ своего прихода встрѣчаютъ сильный отпоръ со стороны инородцевъ. Черезъ четыре года по приходѣ на Вятку, въ 1379 году, пришельцы ушкуйники дѣлаютъ натискъ на арянъ-вотяковъ, отрядъ ихъ вторгается въ землю арянъ, которые жили тогда и въ предѣлахъ нынѣшняго Орловскаго и Вятскаго уѣздовъ, гдѣ, по ихъ преданіямъ, находилась „великая куала“ ихъ (около или на мѣстѣ Хлынова), и этотъ набѣгъ русскихъ пришельцевъ оказывается для нихъ гибельнымъ: отрядъ ихъ „избили“ аряне и умертвили захваченнаго въ плѣнъ русскаго ватамана Ивана Разана [1]). Какія же тутъ до 1374 года можно предполагать поселенія, да еще „массовыя“, русскихъ Вятичей въ землѣ арянъ, а тѣмъ болѣе сосѣ-

[1]) Въ лѣтописяхъ: Воскресенской, Никоновской, Типографской, Львова и др. (6887 годомъ) читаемъ: „Того же лѣта Вятчане (ушкуйники 1374 года) ходиша ратью [illegible] Арскую землю, и избиша разбойниковъ ушкуйниковъ [illegible] Ивана Разана [illegible] и злымъ [illegible] убиша“. Въ Никоновскомъ и Синодальномъ спискахъ (XVI в.) Воскресенской [illegible] „злымъ [illegible]“, [illegible] „арменина“, а въ Карамзинскомъ [illegible] „арменяне“ [illegible] [illegible] Рязана [illegible] [illegible] деревня Резановская да пустошь погос(т)ская“.

дей ихъ черемисъ, болѣе сильныхъ и упорныхъ противниковъ Руси?

Далѣе—Колосовъ не обращаетъ вниманія на то, что русскія поселенія появились сначала не по всей Вяткѣ, а находились только въ среднемъ ея теченіи, отъ устья Чепцы по устье Моломы—до Котельнича. Въ этихъ именно предѣлахъ застаетъ древне-русскую Вятку роковой для нея 1489 г., когда рать Ивана III взяла городки Котельничъ, Орловъ и Хлыновъ, да еще захватила Каринскихъ татаръ близъ устья Чепцы, но не взяла г. Слободского, потому что его еще не существовало. Если масса Вятичей, по Колосову, могла легко пробраться на Вятку, то представляется страннымъ и непонятнымъ, почему она поселилась въ среднемъ теченіи Вятки, а не въ ея низовьяхъ, представлявшихъ несомнѣнно больше удобствъ и выгодъ для поселенцевъ. Это заселеніе средняго теченія Вятки первыми русскими поселенцами само по себѣ уже внушительно указываетъ, что первоначально Русь шла сюда не съ юга, не съ низовьевъ Камы и Вятки, а съ сѣвера.

Колосовъ высказываетъ недовѣріе „Вятскому лѣтописцу" (Повѣсти о странѣ Вятской) на томъ основаніи, что онъ поздній. Надобно замѣтить, что Колосовъ раздѣлялъ мнѣніе Карамзина, Костомарова, преосв. Филарета Черниговскаго [1]) и др., которые относили появленіе этого лѣтописца къ XVI вѣку, на томъ основаніи, что онъ заканчивается 1553 годомъ; но этотъ глаголемый „лѣтописецъ", какъ не разъ уже было разъяснено и доказано, оказывается гораздо болѣе позднимъ, именно конца XVII вѣка, и довѣрять его показаніямъ слѣдуетъ дѣйствительно съ великою осторожностію. Но высказывая свое недовѣріе, Колосовъ довѣряетъ показанію этого „лѣтописца" въ той его части, которая менѣе всего заслуживаетъ довѣрія, именно—показанію о заселеніи Вятки русскими въ XII вѣкѣ. Поэтому онъ, вслѣдъ за довѣрявшими этому „лѣтописному" показанію Карамзинымъ, Костомаровымъ и ихъ компиляторами, представляетъ уже въ XIII—XV вѣкахъ русское населеніе Вятки очень многочисленнымъ, что

[1]) Обзоръ русск. дух. литературы. Филарета Черн., 1884 г., с. 142

ему и позволяетъ признавать возможнымъ массовое переселеніе сюда окскихъ Вятичей. На самомъ же дѣлѣ, какъ видно даже изъ приведеннаго выше свидѣтельства лѣтописей объ избіеніи русскихъ арянами въ 1379 году, русское населеніе на Вяткѣ въ XIV и XV в. было крайне незначительно, держалось только въ самыхъ ограниченныхъ предѣлахъ - между пограничнымъ (съ черемисами) городкомъ Котельничемъ и укрѣпленіемъ въ Хлыновѣ, за которымъ по Чепцѣ стояли уже поселенія арянъ; далеко немногочисленнымъ оказывается русское населеніе на Вяткѣ даже въ началѣ XVII вѣка по Дозорной книгѣ кн. Звенигородскаго и Писцовой Толочанова.— Ошибается также Колосовъ, полагая, что мнѣніе о новгородскомъ происхожденіи первыхъ русскихъ пришельцевъ на Вятку („новгородская теорія") основывается только на показаніяхъ „Вятскаго лѣтописца": есть другія гораздо болѣе солидныя доказательства въ пользу этого мнѣнія. Можно совсѣмъ игнорировать показанія этого лѣтописца, и вмѣсто ихъ найти и указать основанія „новгородской теоріи" въ достовѣрныхъ показаніяхъ не сомнительныхъ (какъ Вятская) лѣтописяхъ; древнихъ актахъ.

Въ подтвержденіе „вятичской теоріи" Колосовъ указываетъ на сходство нравовъ древнихъ Вятичей и Вятчанъ. Сходство есть: это—особенная грубость нравовъ тѣхъ и другихъ, достаточно выясненная Колосовымъ; только онъ сравниваетъ при этомъ Вятичей и Вятчанъ разныхъ эпохъ,—Вятичей XII вѣка, умертвившихъ своего апостола Кукшу, и Вятчанъ XV вѣка, какъ они извѣстны намъ по лѣтописямъ и древнимъ письменнымъ памятникамъ. Но нашъ ученый не замѣтилъ особой характеристической черты Вятчанъ XV в., отличающей ихъ отъ окскихъ Вятичей. Вятчане XV вѣка— это знакомые со многими, даже далекими, землями „бывальцы", „шестники", „хлыны", „изгои" разнаго рода, по какимъ либо „уважительнымъ и настоятельнымъ" причинамъ покинувшіе свою родину и забравшіеся въ спасительныя для нихъ дебри между двумя, враждебными одно другому, племенами инородцевъ — черемисъ и арянъ, съ обычнымъ харак-

теромъ и свойствами „пограничниковъ", при постоянной угрозѣ со стороны инородческаго населенія привыкшихъ къ неожиданностямъ и опасностямъ разнаго рода, и потому находчивыхъ и не слишкомъ дорожащихъ жизнію, своею и другихъ; это своего рода сѣверные запорожцы, прототипы донцовъ, уральцевъ и другихъ казаковъ. Ушкуйниками являются они на Вятку въ 1374 году, и этотъ характеръ ушкуйниковъ-пограничниковъ они сохраняютъ здѣсь въ теченіе столѣтія—до угомона ихъ Иваномъ III въ 1489 году. Извѣстны пріемы и ухватки ушкуйниковъ, появившихся и умножившихся во второй половинѣ XIV вѣка, когда началась „замятня"—междоусобія въ Ордѣ. Вотъ какъ обошлись они, по лѣтописямъ [1]), съ Костромой и Нижнимъ въ 1375 г.: „Пришедше новгородци ушкуйници, 70 ушкуевъ, взяша градъ Кострому. Взятье же ихъ таково: видѣвше костромичь много, болѣе 5000, а самихъ мало, съ полътора тысячи, раздѣлишася новгородци на двѣ части: одину половину отпустиша втай въ лѣсь, они же обоидоша около по можжевелнику и удариша ся на костромичь въ тылъ, а другая половина въ лице удари. Воевода же (костромской) Плещеевъ, подавъ плещи, побѣже къ Костромѣ; костромичи же и не бившеся мнози побьени быша, а друзіи по лѣсомъ розбѣгошася. Новгородци же множество народа крестьяньского полониша; мужеи, и женъ, и дѣвицъ собою попроводиша, и шедше на низъ по Волзѣ, пограбиша Новгородъ Нижній, и много всякаго полона взяша, и дошедше на низъ по Волзѣ града Болгаръ, тамо полонъ весь крестьяньскій попродаша". Точно также поступали они при своихъ налетахъ на булгаро-татарскіе города. Въ 1392 г. ушкуйники изъ новгородцевъ, устюжанъ и, конечно, изъ пришельцевъ на Вятку, проплывъ рѣкою Вяткою въ Каму, внезапно напали на городъ Кашанъ (Казань по нашимъ болѣе позднимъ лѣтописямъ) на Камѣ, въ нынѣшнемъ Лаишевскомъ уѣздѣ, въ разстояніи одной версты отъ нынѣшняго села Шурана, и вотъ какъ преданіе, сохранившееся среди

[1]) Новгород. и др. четвертой, Воскресенской, Никоновской, Типографской и др. подъ 6883 годомъ.

жителей Шурана, обрисовало П. А. Пономареву взятіе города ушкуйниками. „Наши" (русскіе), — разсказывали въ Шуранѣ казанскому археологу [1], — „шли къ чицобѣ (гдѣ стоялъ г. Кашанъ) по Камѣ сверху на лодкахъ. Подъѣхали къ оврагу повыше чицобы, вышли на берегъ, понаставили на лодки чурбаны, одѣли ихъ въ свои кафтаны и шапки и пустили лодки внизъ по рѣкѣ, а сами тайкомъ стали пробираться къ чицобѣ. Увидѣлъ турскій народъ, что плыветъ на нихъ войско, и вышелъ весь отъ мала до велика на „носокъ" на берегу (гдѣ было укрѣпленіе). А наши и нагрянули сзади и давай „чесать": такъ тутъ чуть не всѣхъ на „носкѣ" и положили". Варіантъ подобнаго же преданія намъ приходилось не разъ слышать и о русскихъ на Вяткѣ, „воевавшихъ въ старину" съ вотяками: чтобы одолѣть сильныхъ тогда числомъ вотяковъ, десятка три—четыре русаковъ связывали „кокоры", выкорчеванныя большія деревья, устраивали изъ нихъ „плоты", пускали ихъ внизъ по рѣкѣ къ вотяцкому селенію, а сами скрывались на берегу въ ближнемъ лѣсу, и какъ только, бывало, выбѣжавшіе къ рѣкѣ вотяки зазѣваются на „кокоры", бросались изъ лѣса на испуганныхъ внезапностью нападенія вотяковъ и били ихъ, а вотячекъ хватали, вязали и увозили съ собою. Ни разу не читаемъ мы въ лѣтописяхъ, что вятскіе пограничники XIV—XV в. одолѣвали своихъ противниковъ благодаря своему численному превосходству; а всегда брали и одолѣвали они внезапнымъ и стремительнымъ натискомъ, „изгономъ", „искрадомъ", набѣгомъ „безъ вѣсти", какъ отмѣчаютъ лѣтописи, да еще находчивостью, а иногда отчаянной дерзостью. Въ 1374 году они неожиданно являются у устья Ветлуги, захватываютъ здѣсь у переполошенныхъ черемисъ ихъ коней и исчезаютъ на нихъ по берегу Ветлуги въ ея верховья, а оттуда на р. Вятку. Въ 1392 г., какъ сейчасъ сказано, вмѣстѣ съ другими ушкуйниками овладѣваютъ внезапно Кашаномъ, а затѣмъ Жукотинымъ. Въ 1417 г. они съ Жадовскимъ и Разсохинымъ.

[1] „Булгарскій городъ Кашанъ", ст. П. [illegible] „Извѣстіяхъ" Казанскаго Общества А., И. и Э.", 1893 г., XI, вып. 2, 135.

по лѣтописи, „изъѣхаша въ насадѣхъ безъвѣстно и повоеваша всю землю Двинскую и Заволочскую, и Холмогоры, и Борокъ, и Емцу взяша". Въ 1433 г., съ сыновьями Юрія Димитріевича Галицкаго Косымъ и Шемякой, стремительнымъ натискомъ разбиваютъ большую рать Василія Темнаго и „емлютъ руками" великокняжескаго воеводу Юрія Патрикеевича. Въ 1434 г. съ самимъ Юріемъ Димитріевичемъ и галичанами въ Лазареву субботу опять разбиваютъ рать Темнаго за Ростовомъ у Николы на горѣ, а въ страстную среду являются уже подъ Москвой, и Юрій „сѣде на великомъ княженіи". Въ 1436 г., въ числѣ 40 человѣкъ, ночью, на устьѣ Которосли у Ярославля, прокрадываются въ шатеръ князя Брюхатаго, мирно почивавшаго со княгинею среди 7000-наго ярославскаго ополченія, хватаютъ князя съ княгиней и увозятъ на Вятку. Въ 1438 г. „безвѣстно" они появляются на устьѣ Юга, въ Троицынъ день жгутъ городъ Гледенъ, а устюжане разбѣгаются отъ нихъ по лѣсамъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XV столѣтія, какъ видно изъ посланія къ нимъ митрополита Іоны, „съединяющесь съ Шемякою", они неожиданно „приходятъ на Устюгъ, на Вологду, воюютъ и грабятъ Сысолу, Вымь и Вычегду", захватываютъ болѣе полуторы тысячи полону и многихъ плѣнниковъ „продаютъ въ поганьство". Въ 1466 г. они въ среду на пятой недѣлѣ поста незамѣтно проскользаютъ мимо Устюга, такъ что ихъ „не слыхали въ городѣ и сторожи", искрадомъ воюютъ по берегамъ Кокшенги и Ваги, а на обратномъ пути, когда устюжане „доспѣли имъ переемъ подъ Гледеномъ", даютъ „посулъ" изъ добычи устьжскому намѣстнику и „утекаютъ къ Вяткѣ". Въ 1467 г., въ числѣ 120 человѣкъ, вторгаются въ землю Богуличей, захватываютъ ихъ князя Асыку и приводятъ на Вятку. Лѣтомъ 1471 г., когда татары, оставивъ Сарай, укрывались отъ жару въ войлочныхъ шатрахъ и желомейкахъ, вятскіе ушкуйники, знакомые съ повадками татаръ и городомъ, на нѣсколькихъ десяткахъ ушкуевъ налетаютъ на самую татарскую столицу, захватываютъ „много товара", сарайскихъ „княгинь" и другихъ плѣнницъ, и счастливо

ускользають отъ татарскаго преслѣдованія. Въ 1486 г. дважды „изгономъ", во второй разъ — въ Троицынъ день, появляются подъ Осиповцемъ и разоряютъ три сосѣднія съ нимъ устюжскія волости: это нагоняетъ такой страхъ на устюжанъ, что въ слѣдующіе годы охраняютъ Устюгъ отъ ихъ набѣговъ особые отряды двинянъ, важанъ, каргопольцевъ. Такой характеръ, такіе ратные пріемы и „подвиги" вятскихъ порубежниковъ XV вѣка, намъ кажется, рѣзко отличаютъ ихъ отъ окскихъ Вятичей и сближаютъ съ новгородцами: извѣстіями объ ушкуйникахъ новгородскихъ XIV—XV в. заполнены очень многія страницы нашихъ лѣтописей, а объ ушкуйническихъ подвигахъ Вятичей и ихъ потомковъ въ Калужской области пока мы нигдѣ еще не читали.

Какъ на главный „козырь" въ пользу „вятической теоріи" Колосовъ находитъ нужнымъ, какъ мы уже читали, преимущественно и прежде всего обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: „въ нынѣшней Калужской губерніи, въ области Оки, гдѣ жили нѣкогда Вятичи, есть селенія Вятское, Вятчина; не случайность же условила тожество топографическихъ названій въ мѣстностяхъ настолько одна отъ другой отдаленныхъ, какъ губерніи Калужская и Вятская. Если нѣтъ основаній допустить, что въ этихъ поселеніяхъ живутъ позднѣйшіе выселенцы изъ Вятской губерніи, то несомнѣнно эти селенія—остатки земельнаго имени Вятичей" (какъ и селенія „Вятскія" по р. Вяткѣ).—Здѣсь и главная ошибка въ соображеніяхъ Колосова, подрывающая ихъ серьезное значеніе. Не только „есть основанія" допустить, что въ предѣлахъ Калужской губерніи жили позднѣйшіе выселенцы изъ Вятской губерніи; но это—положительный и несомнѣнный историческій фактъ. Оказывается, что нашъ ученый, пріѣзжавшій на Вятку съ спеціальною цѣлію изучать говоръ ея жителей, не ознакомился достаточно съ исторіей изучаемой имъ стороны и не обратилъ вниманія на такіе выдающіеся факты въ этой исторіи, какъ событія 1489 года, которымъ заканчивается исторія древне-русской, до-московской Вятки. Въ этомъ году, по согласному показанію лѣто-

писей, многочисленная рать Ивана III „всю Вятку развела", т. е. примѣнила къ Вяткѣ, по его приказу, ту же систему „усмиренія" вольныхъ людей, какую практиковалъ онъ въ Новгородѣ [1], именно—захватила съ собой и вывела „въ Московское государство" противниковъ Москвы на Вяткѣ и развела ихъ по разнымъ московскимъ городамъ и уѣздамъ, оставивъ на Вяткѣ приверженцевъ Москвы и развѣ еще не многихъ, укрывшихся въ лѣсахъ, старожильцевъ. Изъ этихъ „вятскихъ сведенцевъ", за исключеніемъ торговыхъ людей, поселенныхъ въ Дмитровѣ, самая большая часть и поселена была именно—въ предѣлахъ нынѣшней Калужской губерніи и ея окраинахъ: этихъ привычныхъ къ ратному дѣлу людей великій князь поселилъ тамъ, гдѣ они были особенно нужны,—на тогдашней оборонительной линіи отъ набѣговъ татаръ [2], на впадающей въ Протву рѣкѣ Лужѣ—въ бывшемъ городѣ (нынѣ село) Кременскѣ и его уѣздѣ, на впадающей въ Оку рѣкѣ Протвѣ—въ городѣ Боровскѣ и его уѣздѣ, и на самой Окѣ въ городѣ Алексинѣ [3]. Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго въ томъ, что въ Калужской губерніи, въ предѣлахъ жительства древнихъ Вятичей, какъ указано Колосовымъ, оказываются селенія Вятское (не „Вятичское") и Вятчино: это именно, по „Списку (1862 г.) населенныхъ мѣстъ Калужской губерніи",—владѣльческое село Вятское въ 10 верстахъ отъ Тарусы, при рѣчкѣ Старкѣ, впадающей въ притокъ Оки Тарусу, и владѣльческая деревня Вятчино, въ 19 верстахъ отъ Мосальска, при рѣчкѣ
[illegible]

[1]) Какъ разъ за годъ до покоренія Вятки, въ 148[illegible] г., по лѣтописямъ (напр. Воскресенской [illegible]), „привели на Москву изъ Новагорода [illegible] людей", а въ 148[illegible] г. „привели еще изъ Новагорода [illegible] людей и [illegible], и великій князь давалъ имъ помѣстія въ Московской землѣ, а на ихъ помѣстія въ Новгородъ послалъ изъ Москвы и иныхъ городовъ многихъ лучшихъ людей, и дѣтей боярскихъ и гостей".

[2]) Объ [illegible] оборонительной линіи по р.р. Угрѣ, Протвѣ, [illegible] Лужѣ [illegible] М. Н. Просв. [illegible], мартъ, 81–87, въ ст. С. Ѳ. Платонова.

[3]) [illegible] четверт[illegible] [illegible] графическая, Архе[illegible] [illegible] Рус[illegible] [illegible] подъ 1497 годомъ.

Свотицѣ; вѣроятно, эти же оба селенія значатся въ „Описи дозорнымъ, переписнымъ и приправочнымъ книгамъ 1620—1703 г.“, первое подъ названіемъ „село Вятцкое“, въ Тарусскомъ уѣздѣ, съ церковію Введенія Пресв. Богородицы, построенной владѣльцемъ въ 1669 г., въ вотчинѣ дворянина М. И. Колупаева, а второе—подъ названіемъ „сельцо Вятское“, въ Мосальскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ кн. Ѳ. Ѳ. Куракина, въ 1653 году [1]. Кромѣ этихъ поселеній, городовъ Боровска и Кременска, по тому же „Списку населенныхъ мѣстъ Калужской губ.“ можно указать и еще названія поселеній, напоминающія о переводѣ Хлыновскихъ „сведенцовъ“ 1489 года въ Калужскую область; таковы напр.—село Бахтинское въ 40 верстахъ отъ Перемышля, селенія Кочурово въ 35 верстахъ отъ Козельска, Ивакино въ 14 верстахъ отъ Боровска на рѣчкѣ Водкѣ (Воткѣ), два Дудорова, Отяково (Вотяково) въ 15 верстахъ отъ Боровска, Радукино, въ 8 верстахъ отъ Медыни, отъ вотяцкаго собственнаго имени Радука; можетъ быть и Водицкое на рѣкѣ Великой и Бурмакино на рѣчкѣ Свотицѣ. Затѣмъ въ Дозорной книгѣ Боровска 7121—2 (1613—4) годовъ и Переписной Кременска 7154 (1646) года (въ Моск. архивѣ М. Ю.) упоминаются „пустоши что были деревни“ Вяцкая, Кокорина, Елчукова, Бовыкина, Болыкшина (Балакшино), Ипутина, Темирева, Еналеева и другія, напоминающія старыя деревни и фамиліи старожильцевъ, показанныя въ Дозорной книгѣ Хлыновскаго уѣзда 1615 г. кн. Звенигородскаго [2]. Кромѣ того въ той же Дозорной книгѣ Боровска и его уѣзда мы находимъ маленькія помѣстья за новокрещенами Чюринымъ, Акчуринымъ, Кара-

[1]) Списки населенныхъ мѣстъ Калужской губ. № 4162 и 3225.— Описаніе документовъ и бумагъ Моск. Архива Министерства Юстиціи. т. III, 154, 48.

[2]) Въ Дозорной Боровска и Переписной книгѣ Кременска [illegible] Голубчикъ.

чуриными, Агишевымъ, Утяковымъ, Сабанчеевымъ, Отешевымъ фамиліями, напоминающими старыя фамиліи Каринскихъ татаръ; а въ „Спискѣ Боровскихъ новиковъ“ 7136 (1628) г. встрѣчаются: Петръ Агишевъ, Тарасъ Сабанчеевъ, Степанъ Карачуринъ, Иванъ Коржавинъ и Сафонъ Лихотниковъ [1]): послѣдній, несомнѣнно, потомокъ хлыновскаго „сведенца“ 1489 г., которому принадлежали двѣ „Лихотниковскія“ деревни около Хлынова, показанныя въ Дозорной книгѣ кн. Звенигородскаго, въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ Вятской губ.“ названныя „Лихотинскими“.

Подтверждается древними актами свидѣтельство лѣтописей о переводѣ хлыновскихъ сведенцовъ и въ Дмитровскій уѣздъ Московской губерніи: въ „Межевой грамотѣ“ Ивана III на пожалованные сыну его Юрію городъ Дмитровъ и Кашинъ, писанной около 1504 года [2]), упоминается притокъ рѣки Сабли—рѣчка „Вятцкая“, а недалеко отъ нея деревня Кукаркино; а по „Списку населенныхъ мѣстъ“ (1862 г.) въ Московской губерніи значатся поселенія при рѣкѣ Вѣтчинкѣ (№ 4134—4135), деревни Котинино, Бурмакино, Дор. Отяково, двѣ деревни съ вятскимъ выговоромъ Синичино, Печиничино (вмѣсто „Синицыно, Печиницыно), даже двѣ деревни съ названіемъ Хлыново [3]).

Подтверждаемое такимъ образомъ согласное свидѣтельство нѣсколькихъ лѣтописей, несомнительное само по себѣ, о выселеніи хлыновскихъ вятчанъ въ 1489 году въ предѣлы Калужской и Московской губерній, очевидно, лишаетъ всякаго значенія указанное Колосовымъ главное основаніе его соображеній о заселеніи Вятки древними Вятичами.

По мѣстности съ названіемъ „Вятскихъ“ оказываются не въ Калужской только и Московской губерніяхъ: есть мѣстности съ такимъ названіемъ къ губерніяхъ Астраханской,

[1]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Росс. [illegible] г., IV. [illegible].

[2]) Собраніе государств. грамотъ и договоровъ I, 355—356.

[3]) Но эти двѣ деревни могли быть, конечно, выселками и московскаго Хлынова.

Пермской, Владимірской, Тверской, Ярославской. Таковы: а) Вятская перекопь у Бузана — протока Волжскаго въ Астраханской губ., б) озеро, мысъ и острова Вятскіе на Камѣ въ Пермской, в) озеро Вятское во Владимірской, г) волость Вятская въ Тверской, д) городъ Вятскъ (нынѣ село) и Вятскій станъ въ Ярославской. Не пошли ли эти названія отъ окскихъ Вятичей? Если бы оказалось, что эти Вятичи проникали даже въ предѣлы нынѣшнихъ Астраханской и Пермской губерній, то имъ гораздо легче было бы проникнуть въ Вятскую.

Бузанъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ рукавовъ Волги въ ея низовьяхъ, отдѣляется отъ главнаго русла Волги верстахъ въ 50 отъ Астрахани, противъ станицы Лебяжинской, направляется на юго-востокъ и соединяется съ Ахтубою немного выше Краснаго Яра. Бузанъ упоминается еще въ „Хожденіи за три моря" въ XV в. Аѳанасія Никитина, который говоритъ, что онъ „проѣхалъ орду, проѣхалъ Сарай и выѣхалъ въ Бузанъ рѣку"; но „Вятская перекопь на Бузанскомъ протокѣ" становится извѣстною только съ XVII вѣка [1]. Едва ли можно связывать это названіе съ налетомъ Вятчанъ на Сарай съ Костею Юрьевымъ въ 1471 году: при стремительномъ наѣздѣ „искрадомъ" едва ли они могли спускаться дальше и ниже Сарая въ Бузанъ. Вѣроятнѣе, кажется, отнести происхожденіе названія перекопи Вятскою къ походу „плавной Вятской рати" въ 1556 году на Астрахань, когда наши Вятчане съ Писемскимъ и Шеломомъ ловили въ „жерелахъ" низовья Волги астраханскаго царя Дербыша, измѣнившаго Грозному [2].

Озеро, острова и мысъ Вятскіе въ Пермской губерніи дѣлаются извѣстными также въ позднѣйшее время — по Писцовой книгѣ Кайсарова 1623—4 года. Изъ нихъ развѣ толь-

[1]) Полное собраніе русс. лѣтописей, VI, 331. — Акты Историческіе, III, 445—446; V, 318.

[2]) Никоновская лѣт. VII, 257, 271. — Львовская V, 119, 146, 147. — Царственная кн. и Лѣтопис. Нормантскаго подъ 1556 г. — Обстоятельнѣе въ ст. „Замѣчат. Вятчане XV—XVI в.", 12.

ко названіе острововъ Вятскими гипотетически можно связать съ набѣгомъ Вятчанъ въ XV вѣкѣ на Вогуличей по Камѣ, когда они захватили Асыку и могли останавливаться на этихъ островахъ. Вѣроятнѣе же и эти острова получили свое названіе отъ переселенцевъ съ Вятки, какъ и озеро, находившееся въ 5 верстахъ отъ рѣки Серги, недалеко отъ построеннаго уже Строгановыми Сылвенскаго острожка, а также и починокъ „Вятскій-Мысъ на ручьѣ“, принадлежавшій Пыскорскому, основанному Строгановыми же, монастырю, и „пустошь Вятская“ въ Очерской вотчинѣ Строгановыхъ [1]).

Озеро Вятское во Владимірской губерніи находится около г. Покрова. На островѣ этого озера, въ 4 верстахъ отъ города, находится заштатная Введенская—Островская пустынь, съ гостиницей на берегу озера для богомольцевъ [2]). Въ числѣ 64- тысячной рати, посланной великимъ княземъ противъ Вятки въ 1489 году, на второмъ мѣстѣ послѣ москвичей показаны въ лѣтописи [3]) владимірцы: когда въ этомъ году „на Семенъ-день разводили всю Вятку“, могли „свести съ Вятки“ хлыновцевъ и владимірцы и какъ хорошихъ рыболововъ, разселить ихъ по берегамъ озера около Покрова. Если это озеро не называлось Вятскимъ до 1489 года, то его названіе Вятскимъ и можетъ быть объяснено поселеніемъ здѣсь „вятскихъ сведенцовъ“.

Тоже приходится сказать о Вятской волости въ Тверской губерніи. Въ переписныхъ книгахъ города Старицы и его уѣзда 7154, 7186, 7194 годовъ [4]) значатся волости „Вятская, Мерская, Болгарская“: первая изъ нихъ, можно съ рѣшительностію утверждать, получила свое названіе отъ „сведенцовъ Вятскихъ“. Въ числѣ московской рати, „разводив-

---

[1]) Дополненія къ Актамъ Историческимъ, II, 114. Писцовая кн. Кайсарова въ „Пермской Старинѣ“ А. А. Дмитріева, IV, 134, 180, 188.

[2]) В. В. Звѣринскаго „Матеріалы для изслѣдованія о правосл. монастыряхъ“, II, № 693

[3]) Архангелогородской, 196.

[4]) Опись документовъ и дѣлъ Моск. архива М. Ю., I, № 2543—2547.

ней" Вятку въ 1489 году, тверичи стояли на третьемъ мѣстѣ, и изъ воеводъ этой рати въ большомъ полку были вторыми кн. А. С. Черятинской, въ правой рукѣ первымъ кн. В. А. Микулинской, вторымъ В. Б. Бороздинъ, въ передовомъ полку вторымъ А. И. Коробовъ [1]), — все это потомки тверскихъ владѣтельныхъ князей [2]). Возвращаясь съ Вятки съ своими отрядами домой, тверскіе воеводы и захватили съ собой мятежныхъ хлыновскихъ вятчанъ и поселили ихъ въ Тверской области, конечно — не безъ позволенія великаго князя. Что въ эту область попали именно вятскіе хлыновцы, а не Вятичи съ Оки, доказывается уже тѣмъ, что въ болѣе старой Писцовой книгѣ 7131 (1623) года Вятская волость названа прямо „Вятка", а въ самой Твери оказалась „Хлыновка" [3]).

Что касается города Вяцка, едва ли извѣстнаго доселѣ вятскимъ читателямъ, то здѣсь приходится намъ сдѣлать маленькое отступленіе. Изъ-за этого города составителю настоящей статьи сдѣлалъ разъ значительный „реприманд" одинъ ученый столичный профессоръ. „Ваши Сравнительск[illegible] Т[illegible]" [4]), писалъ онъ намъ, „дополняютъ Лѣскова основательно; но я не могу оставить безъ замѣчанія вашего отзыва объ архіереѣ Іонѣ Барановѣ. У васъ сказано, что до Іоны на Вяткѣ вовсе не знали каменныхъ строеній и не умѣли ихъ строить, а Іона первый началъ строить каменные храмы, что ему самому приходилось искать мастеровъ каменныхъ дѣлъ, которые бы

[1]) Разрядная кн. Румянц. музея, рукопись № 340. Разрядныя книги С.-Петербургской Публичной Библіотеки, № 23, 103, 181.

[2]) Родословная книга въ X томѣ Временника, изд. Общества Исторіи и Древностей Росс., 51—52, 116, 175.

[3]) Опись документовъ и дѣлъ Моск. архива М. Ю., I, № 2542. Въ „Мѣстной грамотѣ" [illegible] Владиміромъ Андр. Старицкимъ 1566 г. сказано: „[illegible] Старицѣ (принисено [illegible]) [illegible] (Моск. [illegible] Архе[illegible] [illegible] IV, кн. 2, 51), что въ Твери [illegible] по преданію „церковь Вознесенія на Хлыновкѣ".

[4]) „Сравнительн[illegible]" [illegible] Лѣскову) были [illegible] въ [illegible] мѣстахъ 1881—1883 годовъ.

могли на Вяткѣ учить работѣ кирпичниковъ, обжигальщиковъ, каменщиковъ и т. д. Вы ссылаетесь тутъ на Вештомова; но есть документики, которые рѣшительно опровергаютъ вашего Вештомова и которые вамъ слѣдовало бы принять во вниманіе. Въ „Русской Исторической Библіотекѣ“ (изд. Археографической Коммиссіей), въ V томѣ, въ актахъ построеннаго патр. Никономъ Иверскаго монастыря, еще въ 1655 году, за 20 лѣтъ до архіерейства Іоны, поминаются именно вятскіе кирпичники и обжигальщики (с. 161, 166), которыхъ, по тѣмъ же актамъ, было послано въ указанномъ году 100 человѣкъ въ Иверскій монастырь на работу (с. 171, 173), и которые въ 1656 г. „сдѣлали 376000 кирпичю“ (с. 218); а въ 1657 году было прислано въ монастырь еще 19 тѣхъ же вяцкихъ кирпичниковъ — изъ города Вятцка, какъ видно изъ письма воеводы кн. Куракина къ Иверскому архимандриту (с. 274, 286). Пусть вашъ Іона былъ хорошій архіерей, но приписывать ему труды, какихъ онъ не подъялъ, полагаю не слѣдовало бы“... Указанія и цитаты профессора, какъ и слѣдовало ожидать, были сдѣланы аккуратно и точно, за исключеніемъ развѣ того, что „вятскіе кирпичники“ въ трехъ мѣстахъ въ Иверскихъ актахъ были названы „кирпичниками Вятцкія волости“. Въ отвѣтъ профессору намъ пришлось выяснить, что „престольнымъ градомъ“ епископа Вятскаго и Великопермскаго Іоны былъ не Вятцкъ, а Хлыновъ, что города Вятцка во всей епархіи Іоны не было, что не было въ ней ни одной волости, называвшейся Вятскою, что Вятцкъ и Вятцкая волость находились далеко за предѣлами епархіи Іоны. Вятскъ, указанный профессоромъ по „Исторической Библіотекѣ“, это — нынѣшнее село Вятское, въ Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи, на р. Ухтомѣ, въ 40 верстахъ къ югу отъ уѣзднаго города, почти такомъ же разстояніи отъ Ярославля и нѣсколько большемъ отъ Костромы [1]). По отзыву одного изъ спутниковъ преосв. Іонафана, проѣзжавшаго чрезъ село при обозрѣніи епархіи въ 1880 году [2]), „село Вятское одно изъ

[1]) [illegible] въ [illegible] части Ярославской губ. № 118.
[2]) Ярославскія Епарх. Вѣд. 1880 года, № 43.

самыхъ многонаселенныхъ, богатыхъ и красивыхъ селъ Ярославской губерніи; бойкая торговля, многолюдные съѣзды окрестныхъ жителей на еженедѣльные торги, торговые ряды, многіе каменные дома, двѣ пятиглавыя, благолѣпныя, похожія одна на другую, начала XVIII столѣтія, церкви придаютъ ему видъ города". Извѣстно оно именно своими каменщиками и кирпичниками, да еще, благодаря почти черноземной почвѣ, вообще рѣдкой въ Даниловскомъ уѣздѣ,—своими огурцами, извѣстными даже въ Вологдѣ подъ именемъ вяцкихъ [1]. До 1777 года—до переименованія села Данилова въ уѣздный городъ Ярославской губерніи и образованія Даниловскаго уѣзда, село Вяцкъ находилось въ Костромскомъ уѣздѣ, и по имени села назывался въ XVI и XVII столѣтіяхъ станъ Вяцкій, состоявшій изъ окружающихъ село деревень и починковъ [2]. До того же 1777 года Вяцкъ числился въ Синодальной вотчинѣ съ 1722 года [3], до этого 1722 года—въ патріаршей области, а до 1589 года былъ селомъ „митрополичьимъ"—московскаго митрополита. Насколько древне было это село Вяцкъ, видно изъ двухъ, касающихся его, „судныхъ списковъ" пятнадцатаго XV) вѣка. Въ первомъ—„Судномъ спискѣ о землѣ Вяцкихъ крестьянъ митрополита Геронтія

---

1) Географическо-статистическій словарь Росс. имперіи, Семенова, II, 8.

2) Кириллову-Бѣлозерскому монастырю въ 1581 г. дана вотчинная грамота на деревню Шепелево въ Костромскомъ уѣздѣ, „въ Вяцкомъ стану". Вяцкій станъ упоминается въ писцовыхъ, переписныхъ и межевыхъ книгахъ г. Костромы и его уѣзда въ 7135, 7154, 7186 и послѣдующихъ годахъ, въ „Описаніи документовъ и бумагъ Моск. архива М. Ю." кн. I, № 1076—77, 1090, 1100, 1114, 1125.

3) Описаніе документовъ и дѣлъ Синодальнаго архива III, с. 289, IV, 181; VIII, 284; X, 260, 964 и 971: на послѣдней страницѣ сказано, что „с. Вяцкое [illegible] 1049 руб. недоимки въ 1731 г. [illegible] С.-Петербургѣ [illegible] въ каменщики и [illegible] управленіи [illegible] Крестьяне „Костромскаго уѣзда [illegible] села Вяцка" упоминаются въ [illegible] II, 167) и въ „Чудесахъ [illegible]" (Ярославскія Епарх. Вѣд. 1876 г. № 13).

(1473—1489 г.) съ великокняжескими волости Шахова" ¹) мы читаемъ: „Судилъ Иванъ Сухой. Ставъ на земле на селищѣ Павлецовѣ тягались Аристикъ Иванковъ да Козлокъ Васильевъ сынъ вядкіе христiане съ Некрасомъ Левоновымъ: покосилъ-де онъ (Левоновъ) митрополиче селище Павлецово сильно... Некрасъ рекъ: то село Павлецово — земля великаго князя Шаховская, тянула та земля къ нашей волости къ Шахову, а косимъ лѣтъ съ 15. Сухой спросилъ Аристика и Козлока: почему то Павлецово селище зовете митрополичьею землею? Аристикъ и Козлокъ рекли: вѣдомо то добрымъ волостнымъ вядкимъ старожильцемъ черицу Лавру да Якову Клобуку, что селище Павлецово изъ старины земля митропольская волостная вядкая. Лаверъ чернецъ и Клобукъ рекли: мы помнимъ то лѣтъ за шестьдесятъ (60), [illegible] до мору Павликъ, а [illegible] въ Вядѣ, а земля митропольская. „Знахари" [illegible] старожильцы Карпъ да [illegible] [illegible]: помнимъ лѣтъ за сорокъ (40), что та земля [illegible] князя Шаховская". [illegible] „[illegible] въ крестъ, лезти на поле". На срокъ митрополичи христiане вядкіе Аристикъ Иванковъ да Козлокъ Васковъ, и „знахари" чернецъ Лаверъ да Яковъ Клобукъ „стали", а противники не явились... Великій князь велѣлъ Сухому: митрополичихъ христiанъ вядкихъ Аристика да Козлока оправить и селище Павлицово имъ присудить". По другому акту — по „Разводному списку 1493 года межамъ великокняжескихъ волости Шаховской съ митрополичими волости Вядскою" ²), разведены были деревни, пустоши, пожни и лѣса „великого князя Шаховскіе отчины [illegible] волости съ митрополичими землями Вядскіе волости — отъ усть Чичермы рѣчки Николскою рѣчкою вверхъ до Вологодскіе дороги до броду: у броду за старань Отводцовъ [illegible] митрополичи христiане за Николскою рѣчкою на Вядской сторонѣ три деревни на [illegible] [illegible] Перегило, Опакитово, Прудищо, и тѣ деревни князь [illegible] [illegible] и отвести къ Вядцѣ къ митрополичю. А что

¹) [illegible] Акты [illegible] [illegible], 222—224.
²) [illegible] № 173.

посадили митрополичи христіане на Жарскихъ земляхъ, на другой сторонѣ рѣчки Никольскіе, Афонасовскую деревню да Максимовскую да Нестовскую да Титовскую да Монжаковскую да Бурцову да Поганову да Тотаринову, да вступилися въ наволокъ по обѣ стороны Лопковскіе рѣчки да въ Желѣзниковской лугъ, да Титовскую деревню посадили да Кашанинову да Оклневу да Желнинскую пустошь да Мышкину деревню да Іевцову, и тѣ деревни и пустоши и лѣсы и наволоки и лугъ велѣлъ великій князь отвести къ своей волости къ Жарской. отъ броду отъ Вологодскіе дороги вверхъ же, Никольскою рѣчкою до устья Ловашевскіе рѣчки“ [1].

Если принять въ соображеніе, что тяжба о селищѣ Павлицовѣ происходила при митрополитѣ Геронтіѣ, приблизительно въ 80-хъ годахъ XV вѣка, а Павликъ „жилъ на селищѣ Павлицовѣ“ и, по показанію чернца Лавра и Клобука, „тянулъ къ Вятцку лѣтъ за 60“ до тяжбы, да еще „до мору“, который свирѣпствовалъ въ Ростовско-Ярославской и Костромской землѣ въ 1420 году [2], то существованіе Вятцка и селища Павлицова надобно отнести къ первымъ десятилѣтіямъ XV вѣка, ко временамъ митрополита Фотія (1409—1431 г.) или Кипріана (1380—1409 г.—съ переры-

---

[1]) Почти всѣ указанныя здѣсь селенія показаны подъ тѣми же названіями въ Спискѣ населенныхъ мѣстъ Ярославской губ. (1865 г.): [illegible] въ 5 верстахъ отъ села [illegible] а отъ Данилова въ 40 верстахъ, [illegible] *Отводочномъ* въ 5 верстахъ отъ с. [illegible] и въ 31 верстахъ отъ [illegible] въ 23 верстахъ отъ Данилова сельцо Воронино въ 36 верстахъ и деревня [illegible] въ 43 верстахъ отъ Данилова, д. Павлицово при рѣчкѣ Ухтомѣ въ 42 верстахъ отъ Данилова, д. [illegible] въ 34 верстахъ, [illegible] при Ухтомѣ въ 38 верстахъ, [illegible] при рѣчкѣ [illegible] въ 36, д. [illegible] при рѣчкѣ [illegible] въ 36, д. [illegible] Жолнино въ 35, д. Іевково въ 38 верстахъ—отъ Данилова.

[2]) По Воскресенской лѣтописи (VIII, [illegible]) „въ лѣто 6928 моръ [illegible] бысть силенъ [illegible] на Костромѣ, и въ Ярославлѣ, и въ Галичѣ, и въ Плесѣ, и въ Ростовѣ, и [illegible] и жита бѣ жати нѣкому“.

вами). Такая древность Вяцка намъ представляется нѣсколько загадочною, тѣмъ болѣе, что уѣзды Даниловскій, Пошехонскій и Любимскій разчищены [illegible] лѣсу, сравнительно съ другими уѣздами Ярославской губерніи, въ недавнее время [1]), да и Вяцкъ съ тянувшими къ нему селеніями почему-то странно оказывается на „митрополичьей" землѣ, т. е. на землѣ московскаго митрополита, въ Ростовско-Ярославской области, которая имѣла своего мѣстнаго архіерея.

Приписывать заселеніе Даниловскаго Вяцка нашимъ вятскимъ пришельцамъ-ушкуйникамъ конца XIV вѣка мы не рѣшаемся, не имѣя для того никакихъ указаній и основаній; [illegible], въ видахъ безпристрастія, не замалчиваемъ здѣсь и о слѣдующемъ обстоятельствѣ, оказавшемся при нашемъ разслѣдованіи вопроса о Вяцкѣ. У Димитрія Донскаго былъ самый близкій и любимый бояринъ Өедоръ Андреевичъ Свибль или Свибло. Въ 1377 году Свибло съ московскою ратью и князь Городецкій Борисъ Константиновичъ съ племянникомъ Семеномъ Димитріевичемъ [2])—съ нижегородскою ратью „ходили воевати Мордву, и взяша всю землю Мордовскую, села и погосты и зимницы ихъ пограбиша и пожгоша, самыхъ изсѣкоша, а жены и дѣти ихъ полониша, всю землю ихъ пусту сътвориша". Въ 1384—5 г. зимой Свибло, вмѣстѣ съ боярами Иваномъ Удой и Александромъ Белевутомъ [3]), по приказанію великаго князя, ѣздилъ „черный боръ брати по новгородцкимъ волостемъ", причемъ „бояре новгородцкія съѣхалися на Городищѣ съ великокняжескими боярами о обидахъ", а вслѣдъ затѣмъ „Свиблова чадь побѣгоша съ Городища на Москву", очевидно опасаясь мщенія новгородцевъ за свои обиды [4]). Благодаря такимъ походамъ на Мордву и Новгородъ и близости къ великому князю, Свибло былъ весьма богатъ и, кромѣ многихъ селъ около

---

[1]) Ярославскія Епарх. Вѣдомости 1880 г., № 50.

[2]) Умершимъ впослѣдствіи въ изгойствѣ на Вяткѣ.

[3]) [illegible] жены кн. Семена Димитріевича и ея имущества.

[4]) [illegible] VIII, 26. Новгородская четвертая IV, [illegible].

Москвы, имѣлъ села и деревни въ Новгородѣ, въ Бѣжецкомъ—Верхѣ, въ Переяславлѣ, въ Юрьевѣ, въ Ростовѣ, на р. Самѣ, на Устюгѣ и въ Отводномъ. Сынъ Донскаго Василій Димитріевичъ, какъ самъ сказалъ въ своей духовной грамотѣ 1406 года [1]), „отоималъ у Федора у Свибла его села и холоповъ“, и указанныя выше „Федоровские села Свибловские“, свой „примыслъ“, въ томъ числѣ—„села въ Ростовѣ, на Самѣ, на Устюжѣ и въ Отводномъ“, завѣщалъ своей великой княгинѣ. Между тѣмъ изъ другого акта 1445 года [2]) мы узнаемъ, что въ Козлескѣ (Козельскѣ—въ области древнихъ Вятичей), въ числѣ 8 волостей показаны волости „Олексинъ и Свиблово“, вѣроятно названное такъ по имени прежняго владѣльца Свибла. У сторонника „вятичской теоріи“ естественно можетъ возникнуть предположеніе, что Свибло, до „отъятія“ у него селъ, перевелъ часть своихъ крестьянъ и холоповъ изъ Козельской Свибловской волости поближе къ Москвѣ—за Волгу и поселилъ ихъ недалеко отъ Волги и Ярославля—въ Отводномъ, а это новое село переселенцевъ съ Вятичской стороны и получило названіе Вяцка. Такое предположеніе и мы съ своей стороны не признали ли бы невѣроятнымъ, если бы только не препятствовало то обстоятельство, что въ Свиблово время едва ли не было забыто имя Вятичей и въ самой Козельской сторонѣ.

Но есть еще третій актъ 1462 года, который подаетъ поводъ къ иному предположенію о происхожденіи названія „Вяцка“. Въ духовной грамотѣ Темнаго [3]) мы читаемъ: „даю сыну своему Андрею Меньшому Вологду съ Кубеною и Заозерьемъ, да Иледамъ съ Обнорою и Комелою, да Пельшму, да Бохтюгу, да Уфтюшку, да Сяму, да Токшну, да Янь-

[1]) Собраніе Госуд. Грам. и Догов. I, 72—73. Свибловскія села, по справедливому замѣчанію Соловьева (I, 1128) [illegible] богатый примыслъ вел. князя Василія Димитріевича.

[2]) Договорная грамота Темнаго съ княземъ Можайскимъ Иваномъ Андреевичемъ въ Собр. Гос. Грам. и Догов. I, с. 134.

[3]) Тамъ же, I, 204.

госаръ [1]) и Отводное съ Перфушковьскими селы". Перфушковскія села—это села, принадлежавшія Григорію Перфушкову или Перхушкову, который, по лѣтописямъ [2]), былъ въ московской рати, посланной въ 1458 году на Вятку, и, вмѣстѣ съ воеводами кн. Иваномъ Васильевичемъ Горбатымъ [3]) и кн. Ряполовскимъ, „у Вятчянъ посулы (дары) поимали да Вятчяномъ норовили". Не грѣшно, кажется, предположить и такъ, что этотъ ловкій ловчій великаго князя Перхушковъ [4]), конечно—подѣлившійся съ кѣмъ было нужно въ Москвѣ своими вятскими „посулами", вывелъ съ собою въ 1458 году плѣнниковъ съ Вятки и устроилъ изъ нихъ поселки близъ Отводнаго [5]), изъ которыхъ главное село отъ вятскихъ переселенцевъ и получило названіе „Вяцка"; а затѣмъ этотъ грѣховодникъ въ раскаяніи, какъ водилось тогда, „ради моленія митрополичья" подарилъ Вяцкъ митрополиту московскому, почему Вяцкъ въ 80-хъ годахъ XV вѣка и оказался на землѣ митрополичьской" [6]).

Признавать болѣе вѣроятнымъ то или другое предположеніе предоставляемъ читателямъ. Но и въ томъ случаѣ, если будетъ признано болѣе вѣроятнымъ первое предположеніе—о заселеніи Даниловскаго Вяцка Козельскими—Свибловскими потомками древнихъ Вятичей, нашъ разсказъ о Вяцкѣ не дастъ ничего для подтвержденія „вятичской теоріи" о первоначальномъ заселеніи Вятки русскими. Свибловское за-

[1]) Всѣ эти мѣстности—недалекія отъ Отводнаго.

[2]) Новгородской четвертой (IV, 147), Софійской первой (V, 272), Софійской второй (VI, 181).

[3]) Внукомъ умершаго на Вяткѣ князя Семена Димитріевича Суздальскаго—Нижегородскаго.

[4]) Въ одномъ изъ новѣйшихъ „[illegible]", записанныхъ Г. Дементьевымъ въ глуши Ветлужскаго уѣзда, Перхушковъ названъ также княземъ, получившимъ якобы отъ хана ярлыкъ на нашъ Хлыновъ. См. наше изслѣдованіе „Хлынъ въ старые годы или Хлыновъ", 88 с.

[5]) Село Никольское въ Отводномъ всего въ 5 верстахъ отъ Вяцка.

[6]) Этотъ же Григорій Перхушковъ въ грамотѣ 1 марта 1464 года [illegible] селъ и деревень [illegible] „Пречистой Матери Божіей въ Маркіановѣ пустынѣ". Житіе Маркіана Бѣлоезерскаго—въ „Житіяхъ святыхъ" преосв. Филарета Черниговскаго, I, 22 января.

селеніе Вяцка, если оно и было, во всякомъ случаѣ было только незначительнымъ переселеніемъ горсти потомковъ древнихъ Вятичей конца XIV или начала XV вѣка, а отсюда далеко до массоваго переселенія Вятичей на Вятку въ дотатарскую эпоху, предполагаемаго Колосовымъ.

Намъ кажется, что для рѣшенія разслѣдуемаго нами вопроса далеко немаловажное значеніе имѣетъ то, какъ обыкновенно, издревле и до послѣдняго времени, назывались жители береговъ рѣки Вятки: всегда Вятчане, Вятчана, никогда Вятичи. Во всѣхъ лѣтописяхъ, когда только говорится о Вяткѣ, жители ея непремѣнно оказываются Вятчанами [1]). Въ древнихъ письменныхъ памятникахъ и актахъ непремѣнно — то же: возмите напр. Житіе Стефана Пермскаго, Посланіе митр. Іоны къ Шемякѣ, Уставную грамоту Пермичанъ 1553 года, просмотрите пять томовъ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, десять томовъ Актовъ Археогр. Экспедиціи и Актовъ Историческихъ, шестнадцать томовъ Дополненій къ Актамъ Историческимъ, — всегда въ нихъ обитатель Вятки называется Вятчанинъ, Вятчениинъ, съ искаженіемъ (весьма рѣдко) Ветчениинъ, а во множественномъ числѣ Вятчане, Вятченеча, Ветчене. Тоже въ писцовыхъ, переписныхъ, дозорныхъ книгахъ Вятскихъ, Казанскихъ, Пермскихъ (напечатанныхъ А. А. Дмитріевымъ). Обратите вниманіе (хотя по указателямъ) на тѣ мѣста въ исторіяхъ Карамзина и Соловьева, гдѣ говорится о жителяхъ Вятки: на основаніи первоисточниковъ оба историка всегда называютъ ихъ Вятчанами, никогда и нигдѣ Вятичами. Вятичами стали оказываться наши Вятчане, какъ мы уже замѣтили, назадъ тому лѣтъ 25—30, и преимущественно — на страницахъ Казанскихъ газетныхъ листковъ, гдѣ съ удовольствіемъ помѣщались и замѣтки напр. мѣстнаго репортера, приписывавшаго „вечевое управленіе весьма древнему городу Яранску“, и корреспонденціи съ Вятской стороны „Вятича

[1]) Желающимъ провѣрить наше показаніе [illegible] [illegible] извлеченія нами изъ [illegible] „Сказаній русскихъ лѣтописцевъ о Вяткѣ“ въ Вятскихъ Епарх. [illegible] 1879 [illegible]

изъ Пасѣгова" и просто „Вятичей", и даже средка — „интеллигентнаго" земца, предлагавшаго нѣкогда „раздѣлить (не принадлежавшую земству) Вятскую публичную библіотеку по уѣздамъ" Вятской губерніи...

Но страна Вятичей не называлась Вятскою, а „Вятическою", и тамъ, гдѣ приходилось въ лѣтописяхъ упоминать о городахъ Вятичей, города ихъ назывались „Вятичскими", напр. подъ 6705 годомъ [1]: „князь великій Всеволодъ поима городы Вятичьскіе и землю ихъ пусту сотвори"; также и городъ Вятичей въ землѣ Смоленской назывался не Вяткъ или Вяцкъ, а „Вятическъ" [2]. Не смотря на то Колосовъ не затрудняется, какъ мы видѣли выше, производить отъ Вятичей самое названіе рѣки Вятки. „Край, населенный вотяками", говоритъ онъ, „естественно было назвать вотскимъ краемъ; но измѣненія вот на вят невозможно. О рѣкѣ Вяткѣ думаютъ, что она первоначально называлась Вотка, а не Вятка; но изъ Вотка также невозможна Вятка, какъ изъ вотскій вятскій [3]; иное дѣло — Вятичи и калужская Вятчина". Но на такомъ же основаніи, т. е. исключительно на основаніи одного сходства въ названіяхъ, и сторонники „новгородской теоріи", какъ на рѣки, отъ которыхъ произошло названіе р. Вятки, могутъ указать на р. Вять и погостъ Вятицкій въ Новгородской губерніи [4], даже на протекающую близъ Новгорода Витку, которая въ актахъ называется и Веткой — Вѣткой, подобно тому какъ Свирь называется и Свѣрью, Вишера Вешерой, Пижма Пежмой, Пинега Пенегой, а Святица Светицей — Свѣтицей [5]; слово же „Вятчане"

[1] Въ Воскресенской лѣт. VII, 106; также въ Продолж. Лаврентьевской I, 142, въ Ипатьевской II, 149.

[2] Воскресенская лѣт. VII, 241.

[3] Но самъ же Колосовъ (с. 61) замѣчаетъ, что „при видоизмѣненіи чужихъ словъ не всегда соблюдаются дѣйствующіе въ языкѣ законы". Въ Воскресенской лѣтописи (VIII, 156) земля Вятицкая сокращенно названа „Вятцкою", а отсюда недалеко и до гипотетическаго названія ея „Вятскою".

[4] Исторія Росс. Іерархіи. Амвросія Орнатскаго, III, 124, 172, 248.— Акты Археогр. Экспедиціи III, 452.

[5] Въ Приложеніи къ сочиненію Неволина „О пятинахъ и пого-

иногда произносится и пишется „Ветчане". Кромѣ того находятъ поводъ думать, что названіе нашей рѣки — инородческаго происхожденія. Въ „Произведеніяхъ народной словесности вотяковъ" Б. Гаврилова (с. 151) записано старинное преданіе вотяковъ о томъ, что существовало вотяцкое племя Ватка, которое, направившись отъ мѣста, занимаемаго нынѣ г. Вяткой, стало вытѣснять другое вотяцкое племя — Калмезовъ, жившихъ по берегамъ рѣки Кильмези. Вѣроятно на основаніи такого преданія, А. А. Спицынъ двадцать лѣтъ назадъ высказалъ мнѣніе [1]), что „названіе нашей рѣки и области несомнѣнно происходитъ отъ названія вотскаго племени Ватка, которое по преданіямъ вотяковъ жило нѣкогда на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи построенъ былъ городъ Хлыновъ". Къ сожалѣнію, не указываются основанія несомнѣнности такого мнѣнія, а записанное Гавриловымъ преданіе едва ли не поздняго происхожденія. Но есть въ одномъ изъ древнихъ письменныхъ памятниковъ XIII вѣка маленькій намекъ, который заставляетъ обратить вниманіе и на вотяцкое преданіе. Въ „Словѣ о погибели русскыя земли" по смерти великаго князя Ярослава [2]) мы читаемъ: „Отселѣ до оугоръ и до ляховъ, до чаховъ, отъ чаховъ до ятвязи, и отъ ятвязи до литвы, до немець, отъ нѣмець до корѣлы, и отъ корѣлы до оустьюга, гдѣ тамо бяху тоимици погании (т. е. обитатели береговъ Б. и М. Тоймы въ Архангельской губ.), и за дышучимъ моремъ, отъ моря до болгаръ, отъ болгаръ до боуртасъ, отъ боуртасъ до черемисъ, отъ чермисъ до моръдви, то все покорено бысть Богомъ крестіяньскомоу языкоу, поганьскыя страны великомоу князю Всеволоду, отцю его юрью князю кыевьскому, дѣду его володимеру мана маху, . боуртаси, черемиси, вяда и мордва бортьничахоу на князя великого володимера". Если помянутую здѣсь рядомъ съ буртасами, черемисами и мордвой вяду признать за и-

[illegible] чахъ Пов." [illegible]
погостъ Богородицкій Волдомицкой „въ Вяткѣ" (65).

[1]) Календарь Вятской губ. на 1884 годъ, 157.

[2]) Издано въ „Памятникахъ [illegible]" [illegible]
г. Лопаревымъ.

званіе нашей воти (въ XIII вѣкѣ), которую и въ XVI вѣкѣ называли неустойчиво то „отяками, то вотяками“ ¹), то, пожалуй, и выйдетъ вяд(а) [illegible] камъ названіе рѣки у вотяковъ, т. е. вядка—рѣка Вяды. Но все это пока—гипотезы недостаточно обслѣдованныя, и, для рѣшенія изслѣдуемаго нами спорнаго вопроса, не даютъ твердой основы.

Остается сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно отзыва Колосова о вятскихъ постройкахъ и говорахъ. Постройки вятскія онъ находитъ „не тожественными по характеру“ съ новгородскими. Но странно было бы и ожидать, чтобы нынѣшнія постройки вятскія были тожественными съ нынѣшними постройками въ Новгородской губерніи. Типъ построекъ измѣняется и въ непродолжительное время: житель Слободска напр. въ 1838 году писалъ ²), что „дома въ Слободскѣ въ концѣ XVIII столѣтія были большею частію высокіе двухъэтажные, съ прирубными крыльцами“, а въ указанномъ году, стало быть—черезъ какихъ нибудь 40 лѣтъ, такихъ домовъ почти не было. Необходимо притомъ принять во вниманіе, что, когда говорится о первоначальномъ заселеніи Вятки новгородцами, то тутъ разумѣются не новгородцы только изъ самого Новгорода, но и новгородцы, проживавшіе въ Заволочьѣ, по Двинѣ и близъ Устюга: стало быть, при сравненіи вятскихъ построекъ съ новгородскими—надобно имѣть въ виду не одни только постройки въ нынѣшней Новгородской губерніи. Затѣмъ еще больше вниманія надобно обратить на то, что послѣ 1489 года, т. е. послѣ покоренія Вятки Москвой, появились здѣсь переселенцы преимущественно изъ Устюжской области, съ береговъ Сухоны, Вычегды и Виляди, а со второй половины XVI вѣка, послѣ покоренія Казани, пошли сюда переселенцы и изъ другихъ московскихъ областей.

— —

¹) Въ „Древнихъ Вятскихъ Актахъ“ (50 с.) семнадцать семей новокрещеныхъ [illegible] крестившихся въ 1557 году называютъ себя вотяками; [illegible] „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“, [illegible] царскимъ“ князьямъ 1548 года (Др. Вятскіе Акты, 23) они называются „вотяками“.

²) Вятскія Губ. Вѣдомости 1838 г., № 13.

Какъ же тутъ не быть отступленію отъ новгородскаго типа въ нынѣшнихъ вятскихъ постройкахъ.

То же слѣдуетъ сказать и о вятскихъ говорахъ. „Сходство вятскихъ говоровъ съ новгородскими“, говоритъ Колосовъ, „не отрицаемо, но ощутительна между ними и разность“. Какъ и не быть такой разности въ виду сейчасъ показаннаго хода колонизаціи Вятки. Но здѣсь, кромѣ того, нельзя еще не замѣтить, что записи особенностей вятскихъ говоровъ сдѣланы Колосовымъ, какъ самъ онъ разсказываетъ (56), „во время спѣшной поѣздки по большому тракту, во время весенней распутицы, сдѣлавшей проселочныя дороги совершенно не проѣздными“, почему онъ и „не могъ сдѣлать обстоятельныхъ наблюденій надъ языкомъ жителей Орловскаго и Котельническаго уѣздовъ“, т. е. именно тѣхъ уѣздовъ, которые (вмѣстѣ съ Вятскимъ) и считаются заселенными новгородцами; а такія бѣглыя записи особенностей говора со словъ крестьянъ и ямщиковъ большого тракта едва ли можно признать за достаточныя и твердыя основанія для какого либо рѣшительнаго приговора о говорахъ, а тѣмъ болѣе о такомъ или иномъ разселеніи предковъ говорящихъ. Притомъ же свѣдѣнія, получаемыя отъ крестьянъ записывателями особенностей въ говорахъ, по замѣчанію одного компетентнаго въ дѣлѣ записывателя [1]), „весьма часто

---

[1]) Вотъ что замѣтилъ В. Н. Чернышевъ въ отвѣтъ другому записывателю Н. М. Каринскому: „Крестьяне 1) могутъ не понимать вопроса записывателя и отвѣчать на вопросъ утвердительно или отрицательно не въ томъ смыслѣ, какой придаетъ вопросу записыватель-наблюдатель. Вы спросите крестьянъ, не говорятъ ли они: „Ванькя“, а они отвѣчаютъ: „говорятъ, говорятъ“, но будутъ разумѣть подъ этимъ не мягкость окончанія, а слово Ванька (не Иванъ, не Ваня) и т. п. 2) Крестьяне не всегда наблюдательны въ этомъ отношеніи. Сравните [illegible] мало замѣчаетъ въ отношеніи къ говору даже интеллигентный человѣкъ, который часто не можетъ отвѣтить, акаютъ или окаютъ въ [illegible] щенной имъ мѣстности, говорятъ: ходить или ходитъ, и т. п. 3) Крестьяне никогда не придадутъ подобнымъ вопросамъ [illegible] значенія и отвѣчать поэтому могутъ произвольно, необдуманно. 4) Крестьяне склонны приписывать [illegible], принадлежащимъ къ другому говору, все [illegible] такъ въ одной деревнѣ

бываютъ не точны по разнымъ причинамъ“. Не останавливаясь на сомнительныхъ, по нашему мнѣнію, записяхъ Колосова, укажемъ здѣсь хотя на одинъ выводъ его о вятскомъ говорѣ, будто „древней черты сѣвернаго нарѣчія, сохраняемой и теперь новгородскими и олонецкими говорами,—употребленія винительнаго падежа женскаго рода единственнаго числа въ формѣ именительнаго при неопредѣленномъ наклоненіи глаголовъ нѣтъ въ Вятской губерніи“, между тѣмъ какъ такое употребленіе—самое заурядное въ купчихъ, закладныхъ и другихъ письменныхъ актахъ XVII—XVIII вѣковъ, произведеніяхъ подьячихъ хлыновской площади. Затѣмъ слѣдовало бы, кажется Колосову въ данномъ случаѣ сравнивать вятскій говоръ не столько съ нынѣшнимъ новгородскимъ, сколько съ говоромъ лѣтописцевъ, писавшихъ въ Новгородѣ не позже начала XIV вѣка, т. е. съ первою Новгородскою лѣтописью. А вотъ какое впечатлѣніе производитъ эта лѣтопись на вятскаго старожила, знакомаго съ говоромъ не только на большомъ вятскомъ трактѣ, но и на проселочныхъ мѣстныхъ дорогахъ: „Языкъ второй, третьей и четвертой Новгородскихъ лѣтописей, составленныхъ въ позднѣйшее время“, замѣчаетъ этотъ старожилъ [1]), „не представляетъ особенно—близкаго сходства съ вятскимъ; но когда читаешь въ первой Новгородской лѣтописи: *Вяцько* (вмѣсто Вачко), *Вячеславъ*, *Ярославиць*, *вѣце* (вмѣсто вече), *ноць*, *свѣцю*, *церезъ зиму*, *отечь* (вмѣсто отецъ), *чарь*, *новгородчимъ*, *пятничу*, *по улицамъ*, *сочьского*, *все чело* цѣло), *Онтоней*, *Олександръ*, *розграбили* и т. п., то кажется, слышишь *коренного* вятчанина, еще не тронутаго школою и азбукой; даже тягучесть послѣдняго слога (почти неизбѣжная въ говорѣ вятчанина) видна въ начертаніи иныхъ словъ древнѣйшей Новгородской лѣтописи, напр. въ ней мы читаемъ: *ночія* вмѣсто ночи, *данія* (вм. дани), *людія* (вм. люди)“. Такое же впечатлѣніе получается при чтеніи Двин-

[illegible] понятно“. Журналъ Министерства Н. Просв., 1904 г., іюль, 241.

[1]) Вятскія Епарх. Вѣд. 1880 г., №—3, 60.

скихъ актовъ XIV вѣка, описанныхъ Востоковымъ, и при просмотрѣ особенностей сѣверно-великорусскаго нарѣчія, замѣченныхъ въ рукописяхъ Соловецкой библіотеки П. В. Владиміровымъ [1].

Но всего болѣе страннымъ въ соображеніяхъ Колосова въ пользу его „вятической теоріи" намъ представляется то, что Вятку, которая крѣпко окаетъ, онъ населяетъ массой Вятичей, потомки которыхъ преусердно акаютъ. Самъ Колосовъ нашелъ (63), что въ Вятской губерніи „оканье оказывается сильнѣе къ сѣверу губерніи" (отъ Нолинскаго уѣзда)—въ уѣздахъ Вятскомъ, Орловскомъ, Котельническомъ; а между тѣмъ у калужанъ, потомковъ Вятичей, по „Списку населенныхъ мѣстъ Калужской губерніи", поселенія обыкновенно называются: Алехново вмѣсто нашего вятскаго —Олехново, Альховка вмѣсто вятской Ольховки, Альшанка вмѣсто Ольшанки; тамъ Акулово, а не Окулово, Апарино, а не Опарино, Акатово, Аладьино, Ардынцово, Астанино, Алопово (вм. Олопово), Масеевка, Карсаково, Хахловка, Каровино, Масалово, Пракошево (вм. Прокошево), Абухово (вм. Обухово), Паломъ (вмѣсто Поломъ) и т. д.

Съ какой бы стороны мы ни разсматривали „вятическую теорію" Колосова, со всѣми его соображеніями въ ея пользу, выходитъ, что она во всѣхъ отношеніяхъ оказывается несостоятельною и должна быть отнесена къ числу ничѣмъ не подтверждаемыхъ гипотезъ. Повидимому, и самъ Колосовъ сознавалъ шаткость своихъ соображеній, почему, несмотря на свои возраженія противъ „теоріи новгородской", въ конечномъ своемъ выводѣ все-таки не обошелся безъ новгородцевъ: для объясненія названія Вятки съ верховьевъ Оки онъ влечетъ сюда „массу Вятичей", которымъ яко-бы было „всего легче" совершить такое путешествіе; но массу эту, по его словамъ (62), „увлекла толпа предпріимчивыхъ новгородцевъ". Увлекаясь этой „вятической" гипотезой, нашъ ученый не при-

[1] [illegible] Румянцевскаго [illegible] LXVII [illegible] 187[illegible] г., ноябрь—декабрь, 717—753.

нялъ во вниманіе, что новгородцамъ не было никакой надобности, а тѣмъ болѣе — интереса, пробираться въ верховья Оки, въ города Вятичей Брянскъ, Мценскъ, Девягорескъ и другіе, чтобы соблазнять ихъ обитателей и увлечь ихъ по Окѣ, Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ въ предѣлы нынѣшняго Котельническаго и Вятскаго уѣздовъ. Вмѣсто того, чтобы дѣлать огромный крюкъ къ Вятичамъ для увлеченія ихъ на Вятку, новгородцамъ было несравненно удобнѣе и ближе обратиться къ своимъ собратьямъ и сородичамъ, жившимъ въ Заволочьѣ, по Двинѣ и ея притокамъ, собрать тамъ въ помощь себѣ ватаги охочихъ до добычи людей и, напр. по Югу, Вохмѣ, Моломѣ, пробраться къ Вяткѣ въ среднемъ ея теченіи. Такого именно рода пришествіе или нашествіе на Вятку новгородцевъ, подтверждаемое несомнительными аргументами, дѣйствительно и состоялось, когда оказалось удобное къ тому время и благопріятный случай.

Предпринявъ свою ученую экскурсію въ Вятскую губернію, Колосовъ ограничился только тѣми свѣдѣніями по исторіи Вятки, какія нашелъ у Костомарова, перифразировавшаго исторію Вятки по „Повѣсти о странѣ Вятской“, и потому думалъ, что мнѣніе о первоначальномъ заселеніи Вятки новгородцами основывается только на показаніи этой „Повѣсти“. Но если бы онъ потрудился познакомиться съ показаніями первоисточниковъ по исторіи Вятки, и прежде всего—лѣтописей, то въ нихъ, помимо „Повѣсти“, онъ нашелъ бы не возбуждающія никакихъ сомнѣній, прямыя и рѣшительныя указанія на поселеніе на берегахъ Вятки новгородцевъ, только — не съ Вятичами, увлеченными съ Оки, а новгородцевъ, пришедшихъ совсѣмъ съ другой стороны, откуда имъ было удобнѣе и ближе, — чрезъ Заволочье и Двинскую область. Именно, какъ только началась „замятня“, кровавыя междоусобныя смуты въ Ордѣ, и какъ только вмѣстѣ съ тѣмъ началась серія новгородскихъ ушкуйническихъ набѣговъ, появляются на Вяткѣ и новгородцы въ 1374 году, при чемъ въ первый разъ упоминается и рѣка Вятка въ лѣтописяхъ. Подъ этимъ именно годомъ, заглянувъ въ лѣтописи, Колосовъ

могъ бы прочитать не въ одной, а въ нѣсколькихъ лѣтописяхъ согласное извѣстіе, *пропущенное* Костомаровымъ, что новгородскіе ушкуйники проѣхали на „90 ушкуяхъ", въ числѣ приблизительно 1900—2500 человѣкъ, „на Низъ (т. е. на Каму и Волгу) *рѣкою Вяткою*", стало быть добравшись до этой рѣки съ сѣвера — именно изъ Заволочья и съ Двины, потомъ на Волгѣ раздѣлились и пошли 50 ушкуевъ (приблизительно 1050—1400 человѣкъ) къ Сараю, а 40 ушкуевъ (приблизительно 840—1120 человѣкъ) съ устья Камы поднялись вверхъ до устья Ветлуги, „пограбили все за-Суріе", т. е. инородцевъ отъ устья Камы до Ветлуги, и истребивъ ушкуи, на отнятыхъ у черемисъ коняхъ, по берегу Ветлуги доѣхали до ея верховьевъ, а отсюда не направились на сѣверъ въ свою родину (напр. по р. Вохмѣ), а пробрались къ рѣкѣ Вяткѣ, съ которой познакомились раньше, проѣхавшись по ней въ передній путь до Камы и Волги. Съ верховьевъ Ветлуги пробрались ушкуйники къ Вяткѣ, очевидно, въ *среднемъ* ея теченіи, вѣроятно къ устью Моломы, въ промежутокъ между поселеніями черемисъ и вотяковъ, чѣмъ и объясняется то, что спустя болѣе столѣтія послѣ прихода ушкуйниковъ, въ 1489 году, при покореніи Вятки Москвой, русскія поселенія находились только въ среднемъ теченіи Вятки и притомъ — въ весьма ограниченномъ районѣ, отъ пограничнаго съ черемисами Котельнича и устья Моломы до устья Чепцы, гдѣ уже жили тогда „Арскіе князья и Аряне" вотяки. Конечно, эта партія ушкуйниковъ (на 40 ушкуяхъ) не поѣхала домой — на сѣверъ, а осталась на Вяткѣ не безъ причины и всего вѣроятнѣе — потому, что опасалась дома расправы, такой же, какой подверглись ушкуйники 1360 года, которые, по требованію хана, были выданы, со всею награбленною ими добычею, татарскимъ посламъ и отведены въ Орду. Лѣтописи не говорятъ ничего о судьбѣ второй партіи, которая на 50 ушкуяхъ отъ устья Камы направилась къ Сараю; но если она не погибла тамъ (а о гибели ея также ничего не сказано), то и она, можно думать, съ своей добычей, укрылась на Вяткѣ по тѣмъ же побужденіямъ, какъ и первая партія.

Таково первое извѣстіе о приходѣ руси на Вятку нашихъ лѣтописей, которыя дотолѣ упорно молчали о Вяткѣ. Съ этого же времени, какъ выразился покойный профессоръ И. И. Дитятинъ, и „зачесалось на Вяткѣ и запахло русскимъ духомъ", и притомъ —ушкуйническимъ. Черезъ четыре года, въ 1379 году, пришельцы ушкуйники дѣлаютъ натискъ на Арянъ, но неудачно. Въ 1391 году, по жалобамъ инородцевъ, для усмиренія безпокойныхъ пришельцевъ, являются на Вятку съ Бектутомъ татары, которые дотолѣ Вятки не трогали. Въ 1417 году „новгородскіе бѣглецы" Жадовскій и Разсохинъ, конечно не вдвоемъ только, а „съ дружиною" подобныхъ имъ бѣглецовъ, повоевали безъ вѣсти и пожгли волость Борецкихъ и Холмогоры; а затѣмъ начинается цѣлый рядъ вятскихъ ушкуйническихъ и „изгойныхъ" подвиговъ, нами уже указанныхъ, до рокового 1489 года.

Полагаемъ, что и приведенныхъ здѣсь лѣтописныхъ свидѣтельствъ достаточно, чтобы усмотрѣть преимущество „новгородской теоріи" начальнаго заселенія Вятки русскими, по ея основательности, предъ „вятичскою теоріей" Колосова [1]. И намъ кажется, что если бы Колосовъ не положился только на Костомаровскій пересказъ „Повѣсти о странѣ Вятской", а проштудировалъ посерьезнѣе показанія русскихъ лѣтописей о Вяткѣ, то едва-ли бы сталъ отстаивать свою „вятичскую теорію".

Со смертію Колосова не умерла однако же „теорія вятичская". Замѣчательнымъ варіантомъ снабдилъ эту теорію казанскій профессоръ Е. Ѳ. Будде.

Получивъ въ 1896 году командировку въ Вятскую губернію, онъ проѣхался по ней, и „не смотря на очень невыгодно сложившіяся для него обстоятельства", какъ онъ

[1] Не дѣлаемъ здѣсь указаній на другія доказательства въ пользу „новгородской теоріи". Объ этихъ доказательствахъ достаточно сказано въ нашей статьѣ (перепечатанной изъ Календаря Вятск. губ. на 19[illegible]4 г.) „Хлыновъ [illegible] Хлыновъ", особенно на стр. 50—51, 53—58, 63—64.

самъ говоритъ объ этомъ [1]), „ему удалось всетаки слышать говоръ крестьянъ Нолинскаго уѣзда (въ селѣ Немѣ, въ деревнѣ Грязево, въ д. Семоки, въ д. Малые Хлѣбушки, въ д. Бабикѣ), Котельническаго уѣзда (въ селѣ Вознесенскомъ), Орловскаго (въ селѣ Истобенскомъ), Слободского (въ деревнѣ Корюгинской), и Глазовскаго (въ селѣ Лима)". Изученіе Касимовскихъ говоровъ заставило его обратить особенное вниманіе на сходство, которое онъ находитъ между изучаемыми имъ говорами при-окской области и между говорами вятскими. „Къ тому же присоединилось", по словамъ Будде, „еще и то, что въ Касимовскомъ краѣ нашлись названія деревень, напоминающихъ собой названіе Вятичей, напр. *Вятчаны;* въ Калужской же губерніи указаны были Шахматовымъ два села съ названіемъ *Вятчина* [2]). Далѣе въ Вятскомъ календарѣ, въ числѣ географическихъ названій Вятскаго уѣзда, нашлось село *Рязановское,* жители котораго сами себя по преданію выводятъ изъ Рязанскаго края". Въ результатѣ поѣздки профессора оказалось, что „въ общемъ типъ говора при-окской области Рязанской губерніи и говоръ извѣстныхъ ему мѣстъ Вятской губерніи (указанныхъ выше) оказался *почти одинаковымъ*". Въ виду изложеннаго, Будде и „представляетъ колонизаціонный путь древнихъ Вятичей: подъ вліяніемъ напора съ запада, изъ области Кривичей, и продолжительнаго тѣснаго сожительства и сближенія между Кривичами и Вятичами, Вятичи двинулись по рѣчной системѣ Оки, Волги, Камы и Вятки на сѣверо-востокъ, оставляя на мѣстахъ своего пути воспоминаніе въ географическихъ названіяхъ и принесши съ собой въ новый край и свое родовое названіе и свои воспоминанія о рязанскомъ краѣ. — При этомъ", — продолжаетъ Будде, „интересно замѣтить, что какъ Вятичи при-окскаго края, или ихъ потомки, забившіеся въ уголокъ нынѣшней Рязанской губерніи въ Касимовскомъ уѣздѣ, въ самой лѣс-

[1]) Извѣст. Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ университетѣ, XIV, вып. 2, 193.

[2]) Читателямъ извѣстно уже, что эти села указаны еще Колосовымъ, трудъ котораго читалъ Е. Ѳ. Будде.

стой и болотистой его части, такъ и Вятичи нынѣшняго Вятскаго края, или ихъ потомки Вятчане, колонизовавшіе собой бывшій Хлыновскій край, одинаково унаслѣдовали и сохранили отъ своихъ предковъ любовь и замѣчательное искусство въ области *древодѣлія*; и тѣ и другіе слывутъ на далекомъ пространствѣ лучшими *плотниками*" [1]).

Гипотеза казанскаго профессора сначала повторяетъ гипотезу варшавскаго. Такъ же, какъ у Колосова, масса Вятичей и у г. Будде, только подъ напоромъ Кривичей, направляется по четыремъ рѣкамъ на сѣверо-востокъ; такъ же, какъ у Колосова, эти Вятичи весьма легко и безпрепятственно по четыремъ рѣкамъ продираются чрезъ Мещеру, Мордву, Болгарію; подобно колосовской массѣ Вятичи г-на Будде не останавливаются и не осѣдаютъ въ болѣе удобныхъ мѣстностяхъ въ низовьяхъ Вятки, а устремляются къ любезнымъ имъ берегамъ этой рѣки близь устьевъ Моломы и Хлыновки. Стало быть всѣ тѣ замѣчанія, какія приходилось сдѣлать о „вятичской теоріи" Колосова, въ равной мѣрѣ относятся и къ гипотезѣ казанскаго профессора. Въ равной мѣрѣ къ гипотезѣ г. Будде относится и вопросъ—куда же дѣвались его Вятичи на Вяткѣ, такъ какъ до прихода сюда новгородскихъ ушкуйниковъ въ 1374 году не оказывается никакихъ слѣдовъ какой-либо Руси на Вяткѣ.

Но г. Будде добавляетъ къ гипотезѣ Колосова, что Вятичи „на мѣстахъ своего пути къ Вяткѣ оставили воспоминаніе о себѣ въ географическихъ названіяхъ и принесли съ собой въ новый край не только свое родовое названіе (какъ полагалъ и Колосовъ), но еще и свои воспоминанія о *Рязанскомъ* краѣ".

Гдѣ же именно „на пути къ Вяткѣ", оставили Вятичи воспоминаніе о себѣ въ географическихъ названіяхъ? „Въ Калужской губерніи", отмѣчаетъ г. Будде, „есть два села съ названіемъ *Вятчина*". Мы знаемъ уже, что и Колосовъ указывалъ на два селенія Вятское и Вятчина въ Калужской

[1]) Тѣ же Извѣстія Общества А., И. и Э., XIV, вып. 2, 191—193.

губерніи; знаемъ, что дѣйствительно тамъ есть нынѣ село Вятское при р. Старкѣ и деревня Вятчино при рѣч. Свотицѣ; но не знаемъ точно, когда основаны эти поселенія. Если бы г. Будде доказалъ, что поселенія съ такимъ названіемъ существовали до 1489 года, то, конечно, приходилось бы признать ихъ за поселенія Вятичей, хотя и тутъ слѣдовало бы ожидать названія ихъ Вятичскими, а не Вятскими. Но если эти поселенія основаны послѣ 1489 года, то, гораздо вѣроятнѣе, получили свое названіе не отъ Вятичей, тогда уже забытыхъ, а отъ Вятчанъ, сведенныхъ въ указанномъ году съ Вятки и поселенныхъ въ Кременскѣ, Боровскѣ, Алексинѣ и ихъ уѣздахъ, по берегамъ Лужи, Нары, Протвы и Оки, какъ разъ—въ районѣ близкомъ къ указаннымъ у Колосова двумъ поселеніямъ. Да если бы даже указанныя Колосовымъ и Будде два селенія получили свое названіе отъ Вятичей, откуда же видно, что поселенія эти основаны „на пути Вятичей къ Вяткѣ", а не были конечными пунктами ихъ поселенія въ землѣ Калужской? Вѣдь „путь Вятичей на Вятку"—не доказанный историческій фактъ, а не болѣе какъ гипотеза самого г. Будде, утверждающаяся на другой его же гипотезѣ, еще сомнительной, что Вятичи „принесли на Вятку свое родовое названіе", т. е. дали свое названіе р. Вяткѣ.

„Нѣтъ", замѣчаетъ г. Будде, „дальше, ниже по Окѣ, въ Мещерскомъ краѣ, въ Касимовскомъ уѣздѣ, на пути Вятичей къ Вяткѣ, я нашелъ названія деревень, напоминающихъ собой названіе Вятичей, напр. *Вятчаны*". — И опять приходится повторить вопросъ, не были ли эти поселенія Вятичей въ Касимовскомъ уѣздѣ, если таковыя были, предѣльными пунктами поселенія Вятичей, а не „станціями" на пути ихъ къ Вяткѣ, тѣмъ болѣе, что г. Будде дальше не указываетъ ни на Окѣ, ни на Волгѣ, ни на Камѣ географическихъ названій, напоминающихъ о „пути Вятичей къ Вяткѣ". Да и какая была надобность Вятичамъ, „на пути" къ лучшимъ мѣстамъ, „забиваться" какъ выражается самъ г. Будде, „въ уголокъ нынѣшней Рязанской губерніи, въ самой лѣсистой и болотистой его части"? Вѣдь безотрадная эта мѣст-

ность „Мещерской стороны“ и нынѣ „представляетъ нѣкоторое удобство для заселенія только въ немногихъ мѣстахъ, почва въ ней песчаная съ примѣсью глины, отличается безплодіемъ. ⅔ ея поверхности покрыты лѣсомъ“, а затѣмъ ея „болота, имѣющія характеръ топей, покрытыхъ кочками и кустарникомъ, чрезъ которыя въ весеннiе разливы вовсе прекращается сообщеніе“, конечно, были не привлекательны для добровольныхъ поселенцевъ [1]; въ ней и былъ только одинъ городокъ - Низовый, да и тотъ отцомъ собирателя русской земли безъ сожалѣнія былъ отданъ татарину Касиму. Если дѣйствительно есть въ этомъ Касимовскомъ краѣ поселенія *Вятчаны*, то ближе было бы, по самому ихъ названію, приписывать ихъ не Вятичамъ, а Вятчанамъ - свеценцамъ изъ Вятки, поселеннымъ на р. Лужѣ, Протвѣ и Окѣ (у Алексина), которымъ было легче, чѣмъ Вятичамъ, добраться до касимовскихъ дебрей, да и „забиться“ тамъ приходилось по какой нибудь „гнетущей“ причинѣ, напр. по недостатку земли на мѣстѣ прежняго жительства, по „старой вѣрѣ“ и т. п — Но вотъ что замѣчательно: сколько мы ни искали въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ Рязанской губерніи“ указанныхъ у г. Будде деревень съ названіемъ *Вятчаны*, мы не могли найти тамъ ни въ Касимовскомъ уѣздѣ, ни во всей Рязанской губерніи ни одной деревни съ такимъ названіемъ: оказалась только подъ № 1719, въ 40 верстахъ отъ Касимова, деревня *Истомино - Вѣтчанная*; но это — не то же, что Вятчаны. Въ древнихъ письменныхъ памятникахъ, въ древнихъ описяхъ церквей, встрѣчаются то ризы, то книги „ветшаны“ и „ветчаны“, т. е. старенькія, ветхія. Любопытно, что отвѣтилъ бы нашъ профессоръ, если бы кто нибудь сказалъ ему, что въ Касимовскомъ уѣздѣ нѣтъ деревни *Вятчаны*, а есть деревня — „Старое Истомино“.

---

[1]) Предисловіе къ „Списку населенныхъ мѣстъ Рязанской губ.“. VII. Матеріалы для географіи и статистики Россіи: Рязанская губернія. Барановича, 32, 63—65: „Болотныя испаренія дѣлаютъ воздухъ вреднымъ для людей и животныхъ; трава жесткая и причиняетъ разныя болѣзни скоту; не даютъ лѣтомъ покоя массы комаровъ, мошекъ, оводовъ.

Не указывая слѣдовъ переселенія Вятичей „на пути къ Вяткѣ" ни на Волгѣ, ни на Камѣ, ни въ нижнемъ теченіи Вятки, казанскій профессоръ прямо указываетъ ихъ въ среднемъ теченіи Вятки. Но тутъ у него оказывается значительный варіантъ къ „вятической теоріи". Касимовскій уѣздъ находится въ нынѣшней *Рязанской* губерніи; а въ Касимовскомъ-де уѣздѣ есть и теперь деревня (?) *Вятчаны*, стало быть въ *Рязанской* области были нѣкогда *Вятичи* „на пути къ Вяткѣ"; а „далѣе", продолжаетъ профессоръ, „въ Вятскомъ календарѣ я нашелъ въ числѣ географическихъ названій *Вятскаго* уѣзда село *Рязановское*, жители котораго сами себя по преданію выводятъ изъ *Рязанскаго* края". Такимъ образомъ, на основаніи констатируемаго имъ сходства *касимовскаго* и вятскаго говоровъ, г. Будде влечетъ своихъ читателей къ выводу, что Вятичи чрезъ *Рязанскую* область пробрались на Вятку и были первоначальными ея насельниками, что онъ доказываетъ тѣмъ, что и нынѣшніе-де Вятчане признаютъ себя потомками пришельцевъ изъ *Рязанскаго—Вятическаго* края. Но между читателями казанскаго профессора могутъ оказаться скептики, которые, пожалуй, скажутъ ему, что предки Рязановскихъ сельчанъ могли появиться на Вяткѣ и не при первоначальномъ ея заселеніи, а напр. въ XV—XVII вѣкѣ, что подтвердить ихъ появленіе на Вяткѣ въ XII или XIV вѣкѣ г. Будде ничѣмъ не можетъ. Скептики же могутъ сказать, что „одна ласточка не дѣлаетъ весны", что одно какое нибудь селеніе, обитаемое потомками рязанцевъ, даже три—четыре, ни мало не доказываютъ массового заселенія Вятки рязанцами, что по писцовымъ и дозорнымъ книгамъ XVII вѣка на одного рязанца на Вяткѣ приходятся сотни Двинининовыхъ, Устюжаниновыхъ, Вычегжаниныхъ, Вилежаниныхъ, Важениныхъ, Бѣлозерцевъ, Тотьмениновыхъ, Сысолетиныхъ, Лалетиныхъ, Перминовыхъ и другихъ переселенцевъ изъ сѣверныхъ „Поморскихъ" мѣстностей, къ которымъ причислялась и Вятка. А главное—не могутъ скептики не обратить вниманія на указываемое у г. Будде самое названіе села Рязановскаго. *Рязановскаго села* нѣтъ въ „Спи-

скѣ населенныхъ мѣстъ Вятской губ.", а есть мѣстность, *волость Рязановская*, лежащая къ сѣверу отъ верховьевъ Ветлуги, по сѣверной сторонѣ Кобры—западнаго притока Моломы; есть и *деревня Рязановская* у самаго села Истобенскаго, которая въ Дозорной 1615 года и Писцовой книгѣ 1628 года [1]) прописана „Резановскою". Но *Рязановская* волость и деревня не то же что *Рязанская*, какъ *Рязанъ* или *Рѣзанъ* не то же, что *Рязанецъ*: Рязанъ, Рѣзанъ, Резанъ, Рязанко—это *прозвища*, сотнями встрѣчающіяся въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ XVI—XVII вѣка [2]). Такое именно прозвище Рязана или Рѣзана (отъ глагола „рѣзать") и дано было одному изъ ушкуйниковъ, забравшихся въ 1374 году въ верховья Ветлуги, а оттуда пробравшихся къ р. Вяткѣ, „Ивану Станиславову сыну", который въ 1379 году водилъ ушкуйниковъ въ Арскую землю и былъ тамъ убитъ арянами [3]), точно такъ же какъ прозвище „Лютаго" было дано другому ватаману вятскому 1417 года Михайлу Розсохину. „Теперь", скажутъ нашему профессору скептики, „спесите несомнѣнный историческій фактъ гибели въ Арской землѣ пришедшаго туда съ верховьевъ Ветлуги ватамана ушкуйниковъ *Рязана* или *Рѣзана* съ названіемъ недалекой отъ верховьевъ Ветлуги мѣстности *Рязановскою*, а также съ названіемъ и древняго поселенія у села Истобнова тоже *Рязановскимъ*, и вамъ придется отнести происхожденіе этихъ названій не къ отдаленнымъ Рязанцамъ—Вятичамъ, а къ „вьеводѣ" болѣе близкихъ къ Вяткѣ пришельцевъ—ушкуйниковъ 1374 и 1379 года Рязану"...

Но „жители *села Рязановскаго, Вятскаго уѣзда*, сами себя выводятъ изъ *Рязанскаго* края", пишетъ г. Будде и ссылается на 157 страницу Вятскаго календаря на 1893 г. На указанной страницѣ Вятскаго календаря, въ статьѣ

---

[1]) См. выше на стр. 189 выноску.

[2]) См. „Личныя имена въ Писцовыхъ книгахъ XVI в.", Н. Д. Чечулина, стр. 9, и „Русскія имена и прозвища въ XVII вѣкѣ", А. Соколова, стр. 13.

[3]) См. ту же выноску на стр. 189.

г. Селивановскаго о селѣ *Истобенскомъ*, *Орловскаго* уѣзда, дѣйствительно сказано, что „про слившуюся съ селомъ Истобенскимъ Рязановскую деревню, въ которой стоитъ часовня, передаютъ, что предки жителей этой деревни были Рязанцы". Но тутъ мы имѣемъ дѣло съ обыкновенными передѣлкой и переиначиваніемъ преданія при передачѣ его однимъ передатчикомъ другому [1]). То же преданіе о часовнѣ при селѣ Истобенскомъ гораздо раньше статьи г. Селивановскаго было изложено г. Бенниковымъ въ статьѣ о селѣ же Истобенскомъ въ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1865 года (№ 21): здѣсь жившіе около часовни деревенцы постоянно называются „Рязановцами", и о происхожденіи ихъ изъ Рязанскаго края нѣтъ и помину. А черезъ какихъ нибудь 20—25 лѣтъ сообщавшіе г. Селивановскому то же преданіе о часовнѣ тѣхъ же деревенцевъ называютъ уже „Рязанцами", полагая, подобно г. Буде, что между Рязанцами и Рязановцами нѣтъ никакой разницы. Но и въ статьѣ г. Селивановскаго слившаяся съ селомъ Истобенскимъ около-часовенная деревня много разъ называется Рязановскою и ни разу не называется Рязанскою; стало быть названіе ея Резановскою въ Дозорной книгѣ 1615 г. и Писцовой 1628 г. держалось и держится твердо и неизмѣнно болѣе 300 лѣтъ, и стало быть жители ея—Резановцы **или Рязановцы, а не Рязанцы.**

Фундаментомъ для варіанта „вятичской теоріи" у г. Буде служитъ замѣченное имъ сходство говоровъ Касимовскаго края съ говорами Вятскаго края, которые онъ признаетъ *почти* одинаковыми. Мы замѣтили уже, какъ колеблется такой фундаментъ отъ того, что въ Касимовскій край могли забратися, еще легче Вятичей, поселенные послѣ 1489 года недалеко отъ Касимовскаго края Вятчане, говоръ которыхъ и могъ распространиться въ этомъ краѣ. Но фундаментъ г. Буде намъ представляется недостаточно надежнымъ и

---

[1]) О такихъ передѣлкахъ, переиначиваніяхъ, искаженіяхъ преданій намъ приходилось говорить уже много разъ, а нынѣ [illegible] вопроса о Вятчанахъ [illegible] (стр. 12—14) въ статьѣ „Хлыновъ старше или Хлыново".

съ другой стороны. Мы вполнѣ вѣримъ въ полную добросовѣстность и внимательность казанскаго профессора при записяхъ особенностей вятскихъ говоровъ; но вполнѣ ли онъ познакомился и освоился съ старовятскими говорами, и не оказались ли столь частыя и даже, какъ мы замѣтили раньше [1]), неизбѣжныя при такихъ записяхъ, неполноты, обмолвки и разнаго рода неточности при вятскихъ записяхъ профессора, помимо его желанія и воли? Посмотримъ, напр., гдѣ были сдѣланы записи вятскихъ говоровъ профессоромъ. Въ Вятскомъ уѣздѣ, съ говоромъ котораго, кажется, слѣдовало бы ознакомиться поближе и попристальнѣе, записей говора у г. Будде не указано. Въ Орловскомъ уѣздѣ сдѣланы записи въ селѣ Истобенскомъ, а истобенцы тѣмъ особенно и извѣстны, что съ марта уѣзжаютъ изъ дома, оставляя здѣсь только женщинъ, дѣтей и больныхъ, а возвращаются домой только осенью, плавая во все время навигаціи по рр. Вяткѣ, Камѣ, Волгѣ, Бѣлой, Сѣверной Двинѣ и по рѣкамъ Западной Сибири, проникая даже и въ Восточную Сибирь. Какъ же въ такомъ селѣ можетъ сохраниться чистымъ и безпримѣснымъ старовятскій говоръ? Въ Котельническомъ уѣздѣ записаны особенности говора въ селѣ Вознесенскомъ, т. е вѣроятно—въ Гостевѣ, гдѣ, какъ въ селѣ торговомъ, можно услышать разные говоры, далеко не характеризующіе старо-вятскаго говора. Затѣмъ сдѣланы записи въ селѣ Лима, т. е. вѣроятно—въ Лемѣ, тоже торговомъ селѣ Глазовскаго уѣзда, гдѣ и теперь масса населенія вотяцкая, а русскіе начали селиться не раньше XVII вѣка. Сдѣланы также записи въ одномъ селеніи Слободского и нѣсколькихъ селеніяхъ Нолинскаго уѣзда: но Слободской уѣздъ сталъ заселяться русскими уже послѣ покоренія Вятки Москвой въ 1489 году, и притомъ, какъ видно изъ Писцовой книги Доможирова, пришельцами съ сѣвера—съ рр. Юга, Двины, Вычегды и ихъ притоковъ; а въ Нолинскій нынѣшній уѣздъ пошли русскіе со стороны Вятки и со стороны Казани и начали тѣснить живших тамъ черемисъ не раньше построенія въ 1584 году Уржума. Въ 1622 году,

[1]) См. выше стр. 213—214.

на устьѣ Уржумки, среди сплошнаго черемисскаго населенія, подъ сѣнію „Уржумскаго Караула" начали строить Ченоцкій Спасскій монастырь; а въ 1648 году строитель этого монастыря жаловался, что „на луговой сторонѣ" р. Вятки, въ предѣлахъ нынѣшняго Половскаго уѣзда, отъ монастыря „до Вятского уѣзду черного лѣсу верстъ на полтретьяста и болши, и въ тѣ лѣса не пущаетъ монастырскихъ людей черемиса, называетъ своимъ угодьемъ". Даже въ 1667 году, при сыскѣ о спорной землѣ по р. Сунѣ, въ числѣ 1649 окольныхъ, опрошенныхъ сыщикомъ, людей оказалось 1090 черемисъ и только остальная треть русскихъ; при чемъ выяснилось, что до поселенія русскихъ на р. Сунѣ въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія, „по р. Сунѣ (въ сѣверной сторонѣ нынѣшняго Полинскаго уѣзда) и инымъ рѣчкамъ, которыя впали устьи своими въ рѣки Вятку, Вою и Суну, съ вершинъ и до устьевъ, владѣли землею и всякими угодьи черемиса" [1]. Искать, стало быть, слѣдовъ какихъ-либо поселеній древнихъ Вятичей въ этихъ уѣздахъ, — Слободскомъ, Глазовскомъ, Полинскомъ, уже не приходится. Между тѣмъ на эти уѣзды, преимущественно — на Полинскій, у г. Будде и приходится большая часть записей говоровъ. Что же выходитъ? Говоръ коренного старо-русскаго уѣзда — Вятскаго оказывается у г. Будде не обслѣдованнымъ, говоры другихъ двухъ коренныхъ старорусскихъ уѣздовъ Орловскаго и Котельническаго недостаточно обслѣдованными, потому что, по указаннымъ выше причинамъ, нельзя же признать записи въ селахъ Истобенскомъ и Гостевѣ вполнѣ достаточными для рѣшительнаго сужденія о говорахъ Орловскомъ и Котельническомъ. Напротивъ, болѣе ознакомился г. Будде съ говоромъ Полинскаго уѣзда, въ которомъ съ XVII вѣка селились не только русскіе съ Вятки съ своимъ *оканьемъ*, но хотя и въ менѣе значительномъ числѣ, и русскіе со стороны Казани съ *аканьемъ*; причемъ онъ обратилъ вниманіе на ту сторону Полинскаго уѣзда, на село Нему и еще четыре селенія, которая въ XVII и долгое время въ XVIII вѣкѣ принадлежала *Казанскому* уѣзду

[1]) Древніе Вятскіе акты, 125, 166—168.

и находилась въ вѣдомствѣ Казанскаго митрополита. Тутъ же, въ этой же сторонѣ Нолинскаго уѣзда, въ болѣе позднее время, въ XVIII вѣкѣ начали селиться съ разныхъ сторонъ и съ разными говорами утекавшіе отъ стѣсненій на родинѣ раскольники [1], на потомковъ которыхъ весьма легко можно было наткнуться изслѣдователю мѣстнаго говора при своихъ записяхъ.

Неудивительно поэтому, что еще Колосовъ отличалъ оканье нолинское отъ оканья коренныхъ вятскихъ уѣздовъ: въ Нолинскомъ уѣздѣ, по его замѣчанію, оканье нѣсколько слабѣе, а къ сѣверу отъ Нолинскаго уѣзда — въ Вятскомъ, Орловскомъ, Котельническомъ уѣздахъ, сильнѣе (с. 63). Неудивительно также, что и г. Буде, преимущественно ознакомившійся съ говоромъ Нолинскаго уѣзда, пришелъ къ заключенію, что „оканье въ Вятскомъ краю другого характера, чѣмъ оканье новгородское“, чѣмъ онъ полагаетъ устранить самое капитальное и существенное возраженіе противъ „вятичской теоріи“, опирающееся на калужское и касимовское *аканье* съ одной стороны, и на новгородское и вятское *оканье* съ другой. Но каковъ бы ни былъ характеръ вятскаго оканья, все же оно оканье, а не аканье, и несмотря на нѣкоторую, неизбѣжную нынѣ, разность говоровъ новгородскаго и вятскаго, сходство этихъ говоровъ, по признанію и противника „новгородской теоріи“ Колосова (с. 63), *неотрицаемо*, точно такъ же какъ неотрицаемо сходство вятскаго говора съ сѣверно-великорусскимъ нарѣчіемъ XVI и XVII вѣка, какимъ оно выяснилось по рукописямъ Соловецкой библіотеки въ трудѣ П. В. Владимірова, и въ частности съ говоромъ напр. Сольвычегодскимъ [2]).

Но насколько слабымъ полагаетъ г. Буде сходство вятскаго говора съ новгородскимъ, настолько же сильнымъ и твердымъ находитъ, какъ фундаментъ своей „вятичской - ка-

[1]) Полное собраніе постановленій Св. Синода, I, № 45.

[2]) Уч. записки Казанскаго университета, 1875 г., VI. — Статья Н. І. Ордина въ „Жив. и Старинѣ“ 1896 г., вып. I, 51—122.

симовской-рязанской теоріи", сходство касимовскаго говора съ вятскимъ, опираясь на „шепелеватые мягкіе звуки, дифтонги" и т. п. (с. 192), и... самъ же колеблетъ свой фундаментъ, заявляя (с. 194), что ему еще „не удалось убѣдиться въ томъ, что въ говорѣ Вятской губерніи есть дифтонги, подобные найденнымъ имъ въ при-окскихъ говорахъ", и что ему надобно „еще разъ съѣздить въ Вятскую губернію для поисковъ за дифтонгами". При этомъ г. Будде, кажется, не замѣчаетъ, что если принять его „теорію", то, принимая во вниманіе сходство касимовскаго говора съ вятскимъ, а затѣмъ все-таки „неотрицаемое" сходство вятскаго говора съ говоромъ новгородскимъ и сѣверно-великорусскимъ, придется, пожалуй, тянуть Вятичей съ Оки не только на Вятку, но и далѣе—на сѣверо-востокъ, на Вычегду, до Поморья.

Мы видимъ теперь съ какою рѣшительностію трактуетъ г. Будде вопросы о колонизаціи на основаніи своей діалектологіи. Профессоръ И. Н. Смирновъ еще въ 1894 году замѣтилъ ему [1], что „при опредѣленіи происхожденія поселенія и рѣшеніи вопросовъ о колонизаціи нельзя полагаться на одну діалектологію", и намъ остается только согласиться съ замѣчаніемъ покойнаго профессора.

Справедливость однако требуетъ сказать, что у г. Будде есть и не діалектологическое доказательство „вятической теоріи". „Какъ Вятичи или ихъ потомки въ Касимовскомъ уѣздѣ", говоритъ онъ, „такъ и Вятичи нынѣшняго Вятскаго края или ихъ потомки - Вятчане одинаково унаслѣдовали и сохранили отъ своихъ предковъ любовь и замѣчательное искусство въ области *древодѣлія:* и тѣ и другіе слывутъ на далекомъ пространствѣ лучшими *плотниками*". Но и на это доказательство есть реплика въ пользу „новгородской теоріи", сказанная ровно сто лѣтъ назадъ Вештомовымъ и много разъ повторенная его компиляторами: „Склонность къ плотничеству и искусство въ ономъ есть второй признакъ происхожденія

[1] Извѣстія Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, XIV, вып. 4, 465.

вятчанъ отъ новгородцевъ. . Предки вятчанъ, ежели не изъ того новгородскаго конца, который по жившимъ въ немъ плотникамъ назывался плотничимъ, то изъ близкихъ къ Новгороду селеній вышли. Ибо, хотя жители плотничаго конца особенно занимались плотничеством, однако по сему нельзя заключать о прочихъ новгородцахъ, наипаче областныхъ жителяхъ, чтобы они не занимались тѣмъ ремесломъ и были въ немъ не свѣдущи, ибо новгородцевъ безъ различія прочіе россіяне называли плотниками. Такъ, напр., при походѣ въ 1016 году новгородскаго князя Ярослава Владиміровича противъ кіевскаго великаго князя Святополка, новгородцевъ, составлявшихъ главное войско Ярослава, Святополковы воины въ насмѣшку называли плотниками, и воевода Святополковъ кричалъ къ нимъ: „что пріидосте со хромцемъ своимъ (Ярославомъ) вы плотницы суще? приставимъ вы хоромъ рубити нашихъ".

При заключеніи своей статьи (с. 194) г. Будде, подобно Кологову, „не отрицаетъ, что новгородскіе колонисты могли войти и дѣйствительно входили въ Вятскій край"; но прибавляетъ: „отсюда далеко до заключенія о новгородскомъ происхожденіи русскаго населенія и языка въ нынѣшней Вятской губерніи". Мы не знаемъ, отъ кого слышалъ г. Будде о происхожденіи жителей „нынѣшней Вятской губерніи" отъ новгородцевъ. Извѣстно, что южные уѣзды губерніи, присоединенные къ Вятской провинціи въ 1780 году, именно — Сарапульскій, Елабужскій, Малмыжскій, Яранскій, Уржумскій стали заселяться русскими послѣ покоренія Казани при Грозномъ; а когда стали заселяться русскими уѣзды Слободской, Глазовскій, Орловскій, мы видѣли выше: о заселеніи этихъ уѣздовъ новгородцами, кажется, никто изъ серьезныхъ историческихъ писателей и не говоритъ; встрѣчаются развѣ, и то чрезвычайно рѣдко, какіе нибудь миѳическіе репортерскіе разсказы, напр. о заселеніи Яранска русью еще при великихъ князьяхъ и вѣчевомъ въ немъ управленіи, въ казанскихъ газетныхъ листкахъ. Но когда говорится о заселеніи Вятки (а не Вятской губерніи) новгородцами, то всегда ра-

зумѣется древне-русская Вятка въ тѣхъ предѣлахъ, какіе имѣла она до покоренія Москвой въ 1489 году, въ предѣлахъ уѣздовъ Вятскаго, Орловскаго, Котельническаго.

Въ числѣ противниковъ „новгородской теоріи" и чуть не своихъ союзниковъ поминаетъ г. Будде (с. 190—191) Костомарова, Спицына и Верещагина. „Историки", говоритъ онъ, „наприм. Костомаровъ, признавали бездоказательность утвержденія того, что вятскіе колонисты новгородскаго происхожденія; въ разное время и неоднократно уже раздавались голоса историковъ и археологовъ, напр. Верещагина, Спицына, противъ признанія такого утвержденія справедливымъ". Въ этой „поминкѣ" у г. Будде, кажется, есть маленькая неточность. Костомаровъ, не смотря на замѣченныя имъ неисправности въ „Повѣсти о странѣ Вятской" и о заселеніи послѣдней новгородцами въ XII вѣкѣ, всетаки довѣряетъ этой „Повѣсти", преимущественно по ней излагаетъ свою исторію Вятки, съ незначительными дополненіями изъ лѣтописей, и безъ колебаній, съ рѣшительностію называетъ Вятку [1]) „новгородской старой колоніей, управлявшейся вѣчемъ—по образцу новгородскому". А. А. Спицынъ въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, въ 1880 году [2]), правда, находилъ, что доказательства происхожденія вятчанъ отъ новгородцевъ нельзя еще считать безусловно неопровержимыми, и указывалъ мѣры для болѣе твердаго рѣшенія вопроса, но, помнится, на Археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ въ 1887 году высказалъ свое согласіе съ выводами Верещагина, а Верещагинъ... предостерегалъ уже давно отъ слѣпаго довѣрія къ показаніямъ „Повѣсти о странѣ Вятской", особенно — къ показанію ея о заселеніи Вятки новгородцами въ *двѣнадцатомъ вѣкѣ*, и еще въ 1880 году [3]) высказалъ мнѣніе, что исторію древне-русской Вятки приходится *начинать не* съ *двѣнадцатаго* вѣка, а съ *четырнадцатаго*, но всетаки — съ *новгородцевъ*.

[1]) Сѣверно-русскія народоправства, изд. 1886 г., т. 1, 233, 237.

[2]) Въ Вятскихъ губ. Вѣдомостяхъ 1880 г., № 69.

[3]) Въ Вятскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1880 г., с. 173.

первоначальныхъ пришельцевъ на Вятку, только не такихъ, какими изображаетъ ихъ „Повѣсть", а новгородцевъ *ушкуйниковъ*.

Во избѣжаніе упрека въ „замалчиваніи", остается сказать нѣсколько словъ о недавно народившейся „теоріи псковской". Въ настоящемъ 1904 году въ мѣстномъ газетномъ листкѣ молодой ученый Д. К. Зеленинъ высказалъ мнѣніе, что въ „первоначальной колонизаціи Вятскаго края участвовали псковичи". Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ „географическія имена", но указываетъ изъ нихъ только два: „имя деревни *Плесковцы* Орловскаго уѣзда, *быть можетъ*", говоритъ онъ, „ведетъ свое начало отъ древняго имени города Пскова *Плесковъ;* многочисленныя (поселенія) *Тороповы* Орловскаго и Котельническаго уѣздовъ, вѣроятно, отъ рѣки Торопы, на которой г. Торопецъ". О такомъ мнѣніи г. Зеленина мы обязаны были „открытымъ письмомъ" его высказать и наше мнѣніе и высказали уже въ томъ же газетномъ листкѣ, а здѣсь можемъ ограничиться самымъ краткимъ повтореніемъ нашего отвѣта г. Зеленину. Если бы г. Зеленинъ сказалъ просто, что псковичи участвовали въ колонизаціи Вятки, тогда можно было бы согласиться съ нимъ „безъ разговоровъ", потому что на Вятку, особенно послѣ 1489 г., являлись пришельцы изъ весьма многихъ, даже очень отдаленныхъ, мѣстъ, и между такими пришельцами могли быть и пришельцы изъ Пскова и Псковской области. Но когда онъ говоритъ, что псковичи участвовали въ „первоначальной" колонизаціи Вятки, то тутъ уже недостаточно просто указать нѣсколько псковскихъ поселеній на Вяткѣ, а еще надобно доказать, что поселенія эти—не позднѣйшаго времени. Что же касается двухъ названій, указанныхъ г. Зеленинымъ, яко-бы псковскихъ селеній на Вяткѣ, то эти названія не имѣютъ никакого отношенія къ древнему Плескову. Названіе селенія *Плесковцы* объясняется просто отъ слова *плесъ—плесо* и селеніе *Плески* называется такъ потому, что стоитъ на *Дол-*

омъ плесъ: притомъ же древніе жители Пскова и его области обыкновенно въ лѣтописяхъ и древнихъ актахъ назывались Псковичи, Псковицы, Пьсковицы, Плесковичи, Плесковицы, а названіе *Плесковцы* не встрѣчается. Названіе же *Тороповы* происходитъ не отъ рѣки Торопы, а отъ постоянно встрѣчающагося въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ XVI и XVII в. (у Чечулина 10 с., у А. Соколова 14) прозвища *Торопъ, Торопка*. Такимъ образомъ вновь явленная „псковская теорія" или гипотеза оказывается пока ничѣмъ необоснованною.

А. В—нъ.

Цѣна 40 коп. перепл.-50к.